

Юн Ха Ли

СТРАТАГЕМА ВОРОНА

«СОДЕРЖИТ МЕЖЗВЕЗДНЫЕ БИТВЫ, ПОЛИТИКУ,
ИНТРИГИ И ТАИНСТВЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ...
ЧИТАТЕЛИ НАСЛАДЯТСЯ ЭТОЙ БЛЕСТЯЩЕ
ПРИДУМАННОЙ ИСТОРИЕЙ».

PUBLISHERS WEEKLY

fanzon

Sci-Fi Universe. Лучшая новая НФ

Юн Ха Ли

Стратегема ворона

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Ли Ю.

Стратегема ворона / Ю. Ли — «Эксмо», 2017 — (Sci-Fi Universe.
Лучшая новая НФ)

ISBN 978-5-04-106487-7

Шуос Джедао освободился. Давно умерший генерал, сохраненный с помощью экзотических технологий в качестве оружия, захватил тело одаренного молодого капитана Кел Черис. Теперь флот генерала Кел Кируев, мчащийся к Отсеченной марке, чтобы остановить вторжение враждебной цивилизации, попал под власть Джедао. Только подполковник Кел Брезан способен стряхнуть с себя влияние гения и психопата Джедао. Генерал-изменник, похоже, намерен защищать Гекзархат, но может ли Кируев – или Брезан – доверять ему? И как доверять своему командованию, если собственные правители с легкостью уничтожат весь флот, чтобы убить одного человека?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-106487-7

© Ли Ю., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	22
Глава четвертая	29
Глава пятая	34
Глава шестая	43
Глава седьмая	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Юн Ха Ли

Стратегема ворона

Yoon Ha Lee
Raven Stratagem
Machineries of Empire. Book 2

© Н. Осяну, перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава первая

Генерал Кел Кируев, под командованием которой служил подполковник Кел Брезан, только что получила задание разобраться с вторжением Хафн. Брезан предчувствовал наступление хаоса, но недооценил масштаб. Генералу Кируев пришлось поднять свой рой по тревоге после того, как восемнадцать дней назад Хафн убили генерала Кела Чренку. По опыту Брезана, убийства никогда не делали ситуацию менее хаотичной.

Брезан был одним из офицеров в штабе Кируев. Это был лучший пост, на который Брезан когда-либо надеялся, учитывая двусмысленные отметки в личном деле. Рой Кируев был огромен, в соответствии с угрозой, которую ожидало командование Кела. Брезана впечатлило, что они так быстро собрали столько людей. Кируев получила в свое распоряжение один из шести пепломотов гекзархата, самый большой и мощный военный корабль, и назначила его командным мотом: «Иерархия пиршеств». Также рой включал сто девятнадцать знаменотов и сорок восемь разведмотов. Командование Кел сообщило им, что Хафн выдвинулись на Отсеченную марку – район космоса, где, по воспоминаниям Брезана, всегда было тихо, и потому он оказался куда хуже готов к вторжению, чем кому бы то ни было хотелось. И вот теперь они здесь, ждут непонятно чего в точке перехода, потому что безгранично мудрое Командование Кел решило добавить одного капитана с секретными приказами, и это показалось им достаточно важным, чтобы задержать рой генерала Кируев.

Брезан провел последние семьдесят три минуты, изучая личное дело проклятого курьера и с трудом сдерживаясь, чтобы не пнуть терминал. Ему было все равно, насколько эта женщина хороша в календарной войне. Если в ближайшие двенадцать минут от ее транспорта не будет вестей, он собирался рекомендовать генералу отправиться в путь, а Командование Кел пусть пойдет и повесится. Хафн уже превратили населенные пункты на восьми планетах в кристаллизованные руины. Вступить с ними в бой как можно скорее – вот главный приоритет.

Капитан Кел Черис. Ранние записи в её досье свидетельствовали, что она компетентна по меркам пехотных офицеров, если не считать одной странности: её способностей к математике. Нирай, фракция, в которой состояло большинство ученых и инженеров гекзархата, пыталась завербовать ее на этом основании. Однако она всей душой стремилась вступить в ряды Кел – Брезан кое-что в этом смыслил, – и, как гласил один анекдот, Кел никогда не отказывали добровольцам.

Что ещё интереснее, Черис была из народности мвеннин, меньшинства, про которое никто даже не слышал. Конечно, в межзвездном государстве, содержащем бесчисленные системы, удивляться такому не стоило, но мвеннин вообще вели себя тихо и избегали службы во фракциях. Брезан не сомневался, что их существование терпят только потому, что их численность ничтожна даже в той единственной системе, где они обосновались, и ещё потому, что при наличии еретиков и чужаков, которые вполне могли оказаться еретиками, у гекзархата и так хватало хлопот. И все же, учитывая происхождение, Черис добила немалых успехов.

Брезан не смог сдержать горечи, когда подумал об этом. Он происходил из благородной семьи Кел, его старшая сестра служит не где-нибудь, а в штабе генерала Инессер, но ему самому далеко не продвинуться, и он об этом знал. Некоторые солдаты пренебрежительно отзывались о том, что он – женоформа, когда думали, что Брезан не слышит. Но его коллеги-офицеры вели себя вежливо, и прочее его не заботило. Уж скорее продвижению по службе препятствовали заметки в личном деле по поводу импульсивности и нестандартного мышления.

Черис тоже не смогла остаться в стороне от неприятностей, несмотря на то, что ее послужной список до некоторого момента выглядел хорошо. Она недавно участвовала в осаде Крепости Рассыпанных Игл, захваченной еретиками в сговоре с Хафн. Брезан подозревал, что в

записях упущено что-то важное, но большинство соответствующих сегментов были засекречены. Даже прямые запросы генерала Кируев остались без ответа.

И более того, Командование Кел отправило в Крепость Рассыпанных Игл немертвого генерала Шуос Джедао. Никто не отрицал тактического гения Джедао, но он также был сумасшедшим и однажды погубил две армии у крепости Адское Веретено, одна из них была его собственной. Рой Кел, посланный разобраться с еретиками в Крепости Рассыпанных Игл, был уничтожен, вероятно, самим Джедао. Предположительно, теперь он умер по-настоящему, но кто знает, насколько это правда. В конце концов, последние несколько веков Командование Кел таинственным образом его оживляло в крайних случаях.

Черис впуталась в эту катастрофу, и так себя проявила, что Командование Кел сочло её чрезвычайно полезной для генерала Кируев. Но никто не удосужился сообщить, в каком смысле. Брезан предпочел бы, чтобы они прислали партию запасных ботинок. Пусть в космосе и не помаршируешь, обувь все равно полезнее.

Брезан оглядел командный центр пепломота: терминалы слабо светятся, офицеры изнывают от нетерпения, сервиторы – жукоформы и дельтаформы – занимаются техническим обслуживанием. Генерал Кируев была темнокожей женщиной с броской седой прядью в волосах и уродующими одну сторону лица бледными шрамами, от которых она не удосужилась избавиться. В отличие от остальных, она выглядела невозмутимой. А вот командер мота, Кел Джанайя, все время бросала взгляды на терминал, хотя внутренние часы её аугмента должны были быть синхронизированы с сетью корабля.

Еще семь минут. Разве они не должны были уже получить весточку от транспорта? Брезан удержался от того, чтобы послать запрос дежурному по связи – его бы за такое не поблагодарили.

Впрочем, всё как всегда. Ни для кого не секрет, что Командование Кел, будучи коллективным разумом, часто принимало сомнительные решения. Несколько столетий злоупотребления композитной технологией – и вот вам результат. Брезан демонстрировал средние успехи как часть композита – это была одна из причин, по которой он рассчитывал на скучный кабинетный пост где-нибудь на планете, а не на борту пепломота, – но он признавал, что чувство абсолютной уверенности, принадлежности к чему-то громадному, было захватывающим. Ну, по крайней мере, хуже уже не будет.

Но оказалось, что в этом смысле подполковник просчитался.

– Сэр, игломот запрашивает разрешение на посадку, – доложили генералу. – В транспортном средстве находится капитан Кел Черис.

Да кто такая этот капитан, что ей выделили игломот? Брезан никогда не видел этот тип кораблей собственными глазами, хотя в шпионских сериалах они появлялись регулярно. Дежурный по сканированию вывел картинку на центральный дисплей. Если верить масштабу, в игломоте могли поместиться полтора человека.

– Ещё не поздно, – проговорила Кируев с невозмутимостью, которой Брезан, к сожалению, не обладал. – Подполковник Брезан, займитесь приготовлениями.

– Сэр, – ответил Брезан. Он загрузил инструкции в сеть мота, чтобы их передали капитану. Как того требовал статус курьера, ей выделили одну из лучших гостевых комнат, а не поселили в казармах пехоты.

И в этот момент они получили сообщение о том, что рой Хафн замечен на пути к Крепости Вертящихся Монет. Подобно Крепости Рассыпанных Игл, она была одной из узловых крепостей гекзархата, чьей целью было поддержание календарной стабильности во всем пространстве, что ему принадлежало. Если все не будут придерживаться высокого календаря и связанных с ним систем поведения, экзотические технологии гекзархата – в особенности мот-двигатели, позволяющие быстро перемещаться между звездными системами, – переста-

нут функционировать. Узловые крепости были спроектированы так, чтобы усиливать эффект календарных обрядов.

Хафн, не будучи глупцами, сосредоточили усилия на крепостях. Но проблема была не в этом. Проблема заключалась в том, что Хафн продемонстрировали: их собственные экзотические технологии функционировали в пространстве гекзархата, где господствовал высокий календарь. Они каким-то образом делали то, что считалось невозможным. Тем не менее у генерала был приказ защищать узловые крепости любой ценой. Кто знает, что устроят Хафн, если значимые календарные точки перейдут под их контроль?

– Разведмот-19 говорит, сканирование зафиксировало «призраков», – объяснял дежурный по связи, и в этот самый момент кто-то вошел в командный центр.

Брезан вздрогнул, главным образом потому, что внимательно изучил личное дело Черис. Хотя он ожидал, что она явится в командный центр, новоприбывшая двигалась как-то не так. Медицинские записи и кинестетические данные говорили о том, что у Черис должен быть стандартный язык тела, который внедряли всем пехотинцам в Академии Кел. Но эта женщина двигалась с непринужденной ловкостью убийцы. Брезан открыл рот, чтобы рывкнуть на неё, но суровый выговор застрял у него в горле.

Капитан Кел Черис была невысокого роста, с бледно-желтой кожей, овальным лицом и черными волосами, подстриженными по уставу. Это его не удивило. Это хотя бы соответствовало досье.

Помимо резких отличий в языке тела, он заметил её униформу. Черный с золотом, цвета Кел, как и почти у всех присутствующих в командном центре – только вот её эмблемой должен был быть капитанский коготь. Но вместо него Брезан увидел генеральские крылья. А под крыльями – глаз, знак фракции Шуос. Не говоря уже о перчатках, черных, как положено Кел, но без пальцев.

Брезан замер. Он знал, что означают знаки различия и перчатки без пальцев. Иногда членов фракции Шуос, чьей специализацией были информационные операции, откомандировывали на службу под командованием Кел. Они носили глаз девятихвостого лиса, демонстрируя свою изначальную фракционную принадлежность. Но вот уже четыре столетия генералы Шуос не служили среди Кел.

По крайней мере, живые генералы.

Генерал Кируев поднялась со своего места.

– В высшей степени дурацкая шутка, птенец, – сказала она своим мягким голосом. Тем не менее люди вздрогнули от обращения «птенец»: так Кел называли только кадетов, во всяком случае, публично. – Исправьте знак отличия и снимите перчатки. Немедленно.

При жизни генерал Шуос Джедао был одним из лучших офицеров Кел. Затем случилась катастрофа у Адского Веретена. Брезан считал доказательством психоза Командования Кел тот факт, что они отреагировали на полное безумие Джедао следующим образом: засунули его в машину бессмертия, восстановили разум, а затем добавили его в Арсенал Кел на том основании, что Джедао страшнее всей фракции, вместе взятой – так почему бы этим не воспользоваться?

Перчатки, которые Джедао носил при жизни, вышли из моды в гекзархате добрых четырех лет назад, и не без причины.

– Да ладно вам, – сказала Черис, растягивая слова.

Ужасное подозрение закралось в душу Брезана. Конечно, гекзархат был домом для ошеломляющего количества низких языков в дополнение к высокому языку, но Брезан взял за правило узнавать происхождение людей, даже когда это происхождение было столь же безнадежно неясным, как в случае народности мвеннин. Он послушал образцы мвеннинских поэтических песнопений – хотя не любил поэзию даже на одном из своих родных языков, – и она звучала как быстрый поток шипящих звуков. Возможно, у мвеннин было несколько языков, но

Брезан сомневался, что хоть один из них звучал как родной протяжный говор Джедао, который он помнил по архивным видео, просмотренным в Академии.

– Доктрина, – сказала Кируев, – выведите ее из командного центра и запирайте. Я разберусь с ней позже. Если Командование Кел намеренно подсунило нам головоломку, пусть подождут, пока обстановка не сделается менее суматошной.

Офицер по доктрине встал.

Черис на него даже не посмотрела.

– Генерал Кируев, – сказала она, – мне кажется, вы служите в вашем теперешнем звании уже пятнадцать лет.

Подозрения Брезана усилились.

Мышцы на челюсти Кируев напряглись.

– Совершенно верно.

– Меня зовут Шуос Джедао. Я занимаю должность генерала триста лет с небольшим.

– Это невозможно, – сказала Кируев через секунду.

«Прекратите его слушать», – мысленно взмолился Брезан.

– О, не искушайте меня отпустить келскую шутку, – сказал Джедао – или Черис, или кем там был этот проклятый чужак, – выбор-то богатый. Почему бы вам не устроить мне испытание? – Углы рта Черис приподнялись. Брезан видел такую же улыбку на изображениях совершенно другого лица, которым было четыреста лет.

Одна из проблем Брезана заключалась в том, что, несмотря на свою компетентность, по стандартам фракции Кел он был маргиналом. Брезан обладал слабым формационным инстинктом. Процесс внедрения этого инстинкта не был полностью предсказуемым, и время от времени кадеты вылетали из Академии Кел, потому что не могли принимать участие в формациях. На протяжении всей учебы Брезан ждал, что его вот-вот исключат. Формационный инстинкт – эмоциональная потребность в поддержании иерархии – делал дисциплину Кел возможной и позволял использовать формации, чтобы направлять календарные эффекты в бою, от силовых щитов до кинетических копий. Кел без формационного инстинкта – это попросту никакой не Кел.

Но в кои-то веки его изъян превратился в благо. Он потянулся к табельному оружию.

Враг оказался проворнее. Брезан осознал не всё: раздался звук выстрела. Края поля зрения затуманились. По руке от запястья до плеча прошла внезапная ударная волна. Пуля звонко ударилась о затвор пистолета Брезана и отрикошетила; сам пистолет вылетел из его руки. Все в командном центре пригнулись.

Рука Брезана тряслась, не переставая.

– Вот дерьмо, – с чувством произнес Брезан. В ушах у него звенело. – Я запомнил профиль капитана Черис, и она даже близко не наделена такой меткостью.

– Склонность к перегибам – что-то вроде моего личного изъяна, – сказал Джедао, несколько не скромничая.

Все Кел в командном центре наблюдали за ними. Генерал Кируев наблюдала за ними. В её глазах виднелась ужасная тоска.

Брезан был Кел в четвертом поколении. Он знал, как выглядят Кел, когда формационный инстинкт бьет их по шее. Надо было держать рот на замке...

– Генерал Джедао, – сказала Кируев, – каковы ваши приказы, сэр?

Оставался открытым вопрос, кто был худшим хозяином: Шуос Джедао, архипредатель и массовый убийца, или Командование Кел. Но Брезан знал, куда указывает стрелка на компасе его служебного долга. Он выронил бесполезный пистолет и потянулся за боевым ножом.

Он оказался не одинок. Офицер по доктрине был из фракции Рахал, но он действовал ещё медленнее Брезана. Вскоре каждый Кел в командном центре держал на прицеле одного из них. С этими людьми Брезан служил годами. Теперь он угрожал их новому командиру.

Единственная причина, по которой его и офицера по доктрине не изрешетили выстрелами, заключалась в том, что с подобной ситуацией никто никогда не сталкивался.

До чего ужасная смерть. Ну, по крайней мере, рядом нет его невыносимой сестры Миу-зан, всегда готовой поиздеваться над братом. Брезан выронил нож.

– Стойте, – сказал Джедао, прежде чем кто-то успел передумать и выстрелить. Взгляд у него был задумчивый.

Брезан знал это выражение лица: «Что же ты такое?» Так выглядели люди, которые пытались по его коротко остриженным волосам понять, мужчина он или всё-таки женщина, предпочитающая мужской стиль. Обычно Брезан стискивал зубы. Но в этой ситуации он ощутил мелочную радость от того, что сумел запутать Джедао, пусть и в столь незначительном вопросе.

– Как тебя зовут, солдат?

Не было смысла молчать – прочие Кел рассказали бы про него всё.

– Подполковник Кел Брезан. – Он испытал мелочное удовлетворение от того, как задержались прочие Кел, когда не прозвучало обращение «сэр». – Штабной офицер, личный состав, приписан к генералу Кел Кируев из роя «Лебединый узел». Если собираетесь меня пристрелить, валяйте. Я не буду служить вам.

Брезан слышал внутренний шепот, убеждающий его довериться мнению генерала Кируев, служить новому командиру формирования так, как должны служить Кел. Ну что за ерунда! Он с легкостью избавился от сомнений. Его истинная преданность принадлежала Командованию Кел, а не какому-то немертвому выскочке-генералу из фракции Шуос, который вселился в капитана из фракции Кел.

– Ты, вероятно, падающий ястреб, – оскорбительным тоном сказал Джедао. Он был совершенно спокоен, но, учитывая, как развивалась ситуация, у него не было причин волноваться. – Трудно сказать наверняка. Как бы там ни было, есть люди вроде тебя... – Он перевел взгляд на офицера по доктрине, – и прикомандированный персонал, у которого нет формационного инстинкта. Я не смогу на них положиться.

Брезан стиснул зубы. Только на борту «Иерархии пиршеств» было восемьдесят два члена фракции Нирай, в остальной части роя – ещё больше, не говоря уже о представителях Шуос, Рахал и паре человек из фракции Видона. Если Джедао собирается...

– Я не намерен их убивать, – заявил немертвый генерал, – но и взять с собой не могу. Мне нужен список людей, которых придется отпустить. Полагаю, у нас достаточно транспорта для такого дела. На кораблях отключить всё, кроме минимального жизнеобеспечения и навигации. Это не даст мне много времени, но в таком вопросе всякая мелочь пригодится.

Брезан мог драться, но стоит пошевелить хоть мышцей, и он труп. Если по какой-то непонятной причине Джедао намеревался пощадить тех, кого он не мог контролировать благодаря формационному инстинкту, был шанс связаться с Командованием Кел. Даже если Командование Кел несёт изначальную ответственность за этот бардак – или, что более вероятно, Джедао каким-то образом их обыграл.

Генерал Кируев и начальник штаба спокойно обсуждали логистические варианты, которые можно было предложить Джедао.

В сердце Брезана разверзлись дыры.

– Хорошо, – сказал Джедао. – Полагаю, лучше отослать подполковника Брезана, пока он тут от скуки не умер. – И немертвый генерал махнул рукой двум младшим офицерам.

Брезан не сопротивлялся, но сказал с горечью:

– Поздравляю, Джедао. Ты угнал целый гребанный рой. Что собираешься делать?

Он успел заметить ослепительную улыбку Джедао, прежде чем солдаты его развернули.

– Буду сражаться с Хафн, разумеется, – крикнул ему вслед Джедао. – О, и передай Командованию Кел мой горячий привет!

«Я тебя убью, даже если для этого мне придется проползти через вакуум голым», – подумал Брезан, когда его выводили из командного центра.

Интуиция подсказывала, что воплотить задуманное в жизнь будет очень непросто.

Глава вторая

Когда Неште Кируев было одиннадцать лет, одна из её матерей убила её отца.

До того момента день был прекрасный. Кируев придумала, как ловить пчёл пальцами. Их, конечно, можно было раздавить, но ей требовалось другое. Хитрость заключалась в том, чтобы тихонько поднести руку сзади и аккуратным, но решительным движением сжать насекомое большим и указательным пальцем. Пчелы редко обижаются, если их отпускали на волю осторожно. Она хотела рассказать матерям об этом трюке. Отец бы не заинтересовался; он терпеть не мог жуков.

Кируев пришла домой раньше обычного, чтобы похвастаться. Войдя в дом, она услышала, как мать Экекра и отец ссорятся в общей комнате. Мать Аллу, которая ненавидела, когда кричал кто-то другой, а не она сама, сгорбилась в своем любимом кресле и отвернулась.

Ее отец, Ктеро, был учителем, а мать Аллу работала в бригаде техобслуживания эко-скрубберов. А вот полным именем матери Экекры было Видона Экекра, и она перепрограммировала еретиков. Фракция Видона занималась тем, что воспитывала еретиков, вынуждая их жить в соответствии с календарными нормами гекзархата, чтобы каждый мог полагаться на соответствующие экзотические технологии.

Мать Аллу заговорила первой, не глядя на девочку.

– Иди в свою комнату, Кируев. – Ее голос звучал приглушенно. – Ты у нас изобретательный ребенок. Уверена, что ты сможешь развлечь себя до сна. Я пришлю сервитора с ужином.

Это встревожило Кируев. Мать Аллу часто говорила о том, как важно садиться за стол вместе, а не опаздывать, к примеру, из-за того, что разбирал старый игровой контроллер. Но сейчас было неподходящее время, чтобы поддразнивать ее, поэтому Кируев послушно побрела в свою комнату.

– Нет, – заявила мать Экекра, когда девочка почти дошла до коридора. – Она заслуживает знать, что ее отец – еретики.

Кируев остановилась так внезапно, что чуть не упала. На тему ереси не шутят. Все это знали. Неужели мать Экекра пытается её рассмешить? Про Видона говорили, что у них нет чувства юмора – это была неправда, и всё же обвинение в ереси...

– Оставь ребенка в покое, – сказал отец Кируев. У него был тихий голос, но люди обычно слушали, когда он говорил.

Мать Экекра была не в настроении слушать.

– Если ты не хотел её в это впутывать, – проговорила она *непогрешимо логичным* тоном, которого Кируев в особенности страшилась, – не надо было якшаться с календарными девиантами или «реконструкторами», или как там они себя называют. О чём ты думал?!

– По крайней мере, я *думал*, – парировал отец Кируев. – Чего нельзя сказать о некоторых членах этой семьи.

Кируев, превозмогая себя, поплелась в коридор. Этот спор, понятное дело, закончится плохо. Надо было ей остаться снаружи...

– Не начинай! – рявкнула мать Экекра и, схватив Кируев за руку, вынудила её развернуться лицом к отцу. – Посмотри на неё, Ктеро. – Её голос сделался ровным, убийственным. – Это наша дочь. Ты подверг её влиянию ереси! Ты её заразил. На ежемесячных брифингах по Доктрине ты хоть что-то слушал?!

– Хватит тянуть, Экекра, – сказал отец Кируев. – Если собираешься сдать меня властям, просто покончим с этим.

– У меня идея получше, – ответила мать Экекра.

Кируев не расслышала, что она сказала дальше, потому что наконец заметила: несмотря на механический голос матери Экесры, по ее щекам текли слезы. Это смутило Кируев, хотя она не могла сказать почему.

– ...в порядке суммарного судопроизводства¹, – говорила мать Экесра. Что бы это ни значило.

Мать Аллу подняла голову, но ничего не сказала. Она только терла глаза.

– Ребенка-то пожалей, – наконец проговорил отец Кируев. – Ей всего одиннадцать.

Глаза матери Экесры сверкнули такой ненавистью, что Кируев захотелось съежиться и закатиться под стул.

– Тогда она достаточно взрослая, чтобы понять, что ересь – это реальная угроза с реальными последствиями. Не совершай новых ошибок, Ктеро. Я никогда тебя не прощу.

– Я бы сказал, поздновато для этого. – Лицо Ктеро сделалось каменным. – Знай, она этого не забудет.

– В том-то и дело, – сказала мать Экесра все тем же убийственным тоном. – Было слишком поздно спасать тебя, когда тебе пришлось в голову изучать устаревшие календари. Но еще не поздно остановить Кируев, чтобы она не кончила, как ты.

«Я не хочу, чтобы меня спасали, я хочу, чтобы все перестали ругаться», – подумала Кируев, но ей и в голову не пришло возражать матери.

Отец Кируев даже не вздрогнул, когда мать Экесра положила руки ему на плечи. Сначала ничего не происходило. Кируев посмела надеяться, что примирение все-таки возможно.

Потом они услышали скрип шестеренок.

Сводящий с ума звук шел отовсюду и ниоткуда – лязг и грохот с несообразными ритмами, обрывающиеся на середине последовательности, сбивающий с толку хрустальный перезвон, распадающийся в шум помех. По мере того как шум усиливался, фигура отца Кируев выцветала. Сперва его очертания приобрели цвет тусклого серебра, а плоть расплющилась в полупрозрачный лист, сквозь который виднелись беспорядочные диаграммы и ворох цифр, кости и кровеносные сосуды, превратившиеся в сухие узоры. Прикосновение смерти – то, чем владели только Видона.

Мать Экесра разжала хватку. Трупная бумага – всё, что осталось от её мужа, – с ужасным шелестом опустилась на пол. Но это был не конец; Экесра была адептом аккуратности. Она опустилась на колени, подняла лист и начала складывать. Складывание бумаги было особым искусством во фракции Видона. Кроме того, это было одно из немногих искусств, которое фракция Андан, гордившаяся своим доминированием в культуре гекзархата, презирала.

Когда мать Экесра закончила складывать двух сплетающихся друг с другом лебедей – замечательная работа, достойная восхищения, если не знать, откуда взялась бумага, – она положила ужасную штукуну на пол, бросилась в объятия матери Аллу и разрыдалась.

Кируев простояла там почти час, безуспешно стараясь не смотреть на лебедей даже краем глаза. У нее вспотели руки. Она предпочла бы спрятаться в своей комнате, но это было бы неправильно. Поэтому она осталась.

В те ужасные минуты (их было семьдесят восемь, она помнила) Кируев пообещала, что никогда не заставит так плакать ни одну из своих матерей. И все же мысль о том, чтобы присоединиться к фракции Видона, даже чтобы доказать свою преданность гекзархату, была невыносима. В течение многих лет ее сны были наполнены сложенными бумажными фигурами, которые сминались и превращались в мокрые, массивные подобию человеческих сердец или

---

¹ Суммарное судопроизводство – упрощенное, ускоренное судопроизводство без суда присяжных и некоторых процедур. В странах англо-американской правовой системы применяется в случае достаточно простых правонарушений, которые не требуют долгого разбирательства. – *Здесь и далее прим. перев.*

сдирали с себя слои до тех пор, пока не оставалось ничего, кроме путаных рядов запрещенных чисел.

И потому Кируев с готовностью вступила в ряды Кел, потому что там всегда найдется тот, кто скажет ей, как действовать и в чем правда. К сожалению, у нее обнаружили значительные способности к военному делу и умение творчески интерпретировать приказы именно в те моменты, когда это требовалось. Она не учла, что будет делать, если ее слишком сильно повысят.

Но против выслуги в 341 год не попрешь.

Кируев сидела в своей каюте, прислонившись к стене и пытаясь сосредоточиться на коробках с приборами. Поле зрения то расплывалось, то вновь делалось четким. Всё чёрное стало серым, цвета потеряли насыщенность. Если повезет, следующим откажет слух. Ее лихорадило, кости словно горели. Всё ожидаемо, но ужасно неудобно.

Расспросив всех о пепломоте, рое и первоначальном задании роя и заставив Кируев передать его последние приказы всем остальным, Джедао удалился в генеральскую каюту. Это вызвало некоторое замешательство, но ничего не поделаешь – Джедао теперь был старшим офицером. Кируев не возражала. Сервиторы, как обычно, за короткое время выполнили отличную работу. Однако командер Джанайя, которая ценила роскошь и ненавидела беспорядок, выглядела слегка раздраженной.

До встречи за офицерским столом оставалось пять часов и шестьдесят одна минута. Сразу же после трапезы Джедао назначил совещание штаба. У Кируев было время, чтобы придумать способ убить своего генерала, не прибегая к оговорке Врэ Талы. С оговоркой было бы надёжнее, но генерал считала, что справится и без неё. Она не стремилась к самоубийству.

Не будь Кируев Кел, она бы действовала напрямую и выстрелила Джедао в спину. Но, не будь она Кел, Джедао не сумел бы так легко захватить власть. Вероятно, Командование Кел понятия не имело, что Джедао разгуливает на свободе в теле капитана Черис, иначе они бы в ответ на предыдущие запросы Кируев выслали предупреждение.

Как бы то ни было, формационный инстинкт не давал ей возможности просто застрелить негодяя. Даже размышляя об этом, она испытывала мучения, хоть Джедао и не было рядом. Кируев – генерал, ближе всего по званию. Только у неё был шанс справиться с формационным инстинктом. Его действие усиливалось с течением времени. Если она и впрямь собирается повернуть это дело, то должна совершить попытку как можно скорее.

Кируев всегда нравилось возиться с машинами – занятие, которое ее родители скорее терпели, чем поощряли. Когда она была в увольнительной, то рыскала по маленьким магазинчикам в поисках устройств, которые больше не работали, чтобы их отремонтировать. Некоторые из ее проектов удавались лучше других, и, кроме того, она вечно недоумевала, что делать со штуковинами, которые получалось исправить. В настоящее время ее коллекция включала пугающее количество предметов в различных стадиях разборки. Джанайя как-то заметила, что сервиторы пугают своих малышей: дескать, вот куда попадают те, кто плохо себя ведёт.

Важным моментом было то, что у нее имелся доступ к компонентам без необходимости обращаться в инженерный отдел. Она все равно подумывала об этом, поскольку сомнительное военное оборудование было на две головы выше сомнительного оборудования, которое она покупала у лавочников, обрадованных, что им платят за блестящий хлам. И все же она не могла рисковать вызвать подозрения у какого-нибудь солдата из инженерного отдела, который донесет на нее Джедао.

Кируев собралась с духом, жалея, что чувствует себя так ужасно, и собрала необходимые компоненты. Чем меньше, тем лучше. Потребовалось немыслимо много времени, чтобы разложить все на верстаке, потому что она продолжала ронять вещи. Один раз катушка упала на

пол, и генералу потребовалось три попытки, чтобы поднять шутовину, – все это время Кируев была уверена, что сломает ее, хотя катушка была сделана из очень прочного сплава.

С инструментами было еще хуже. Она кое-как убедила мозг-предатель, что просто перекладывает свои безделушки с места на место. Самообман насчет инструментов был сложнее.

Надо было закончить всё до трапезы офицеров и, что ещё хуже, успеть прийти в себя. Она сомневалась, что Джедао ничего не заподозрит. Но альтернатива – ничего не делать. Долг перед роём не позволял ей так поступить. Если бы только Брезан... но этот шанс упущен.

Кируев напомнила себе, что если она пережила ту биологическую атаку во время кампании Хьон-Му, когда ей привиделось, что из ее глаз лезут черви, то незначительная физическая реакция не должна ее замедлить. Дело даже не в физических эффектах. Дело в постоянном осознании того, что она предаёт своего начальника.

Ладонь болела. Кируев обнаружила, что колет себя отверткой, и остановилась. На мгновение подумала, не снять ли оружие, чтобы формационный инстинкт не заставил ее покончить с собой, вместо того чтобы привести в действие свой план, но это бы не помогло. Зато вызвало бы подозрения за офицерским столом. На перчатке осталась маленькая дырочка, которая заросла, пока Кируев в задумчивости таращилась на ладонь.

Оказалось, что лучше всего разбить задачу сборки на мельчайшие подзадачи, чтобы не думать о конечном результате. (Она старалась не думать, от кого научилась этому.) Пришлось нацарапать на уголке верстака несколько промежуточных вычислений для правильных числовых резонансов, что осложнялось склонностью верстака заживлять любые повреждения через несколько минут. По крайней мере, она избавится от непосредственных улик. Нетрудно было прочесть отметки о формулах в памяти устройства – она сама смогла бы это сделать с помощью правильного сканера, – но для начала стоило знать, что искать и где.

Заболело в груди, и Кируев остановилась. Ладонь ныла от того, что она слишком сильно сжимала отвертку. Она поднесла инструмент острой частью к нижнему веку. Не потребуется много сил, чтобы вонзить его в глаз.

Как ни крути, она совершает измену. Не было никакой возможности сохранить верность и Командованию Кел, и ее генералу. Она повернула отвертку так, чтобы...

«Я должна его убить», – в отчаянии подумала Кируев. Она не могла оставить рой в руках безумца – только не сейчас, когда он нужен для защиты гекзархата от Хафн. Кируев заставила себя опустить отвертку. Потом с грохотом уронила инструмент и, тяжело дыша, обхватила голову руками. Она должна собрать дрона-убийцу, несмотря ни на что.

В итоге дрон получился не лучшим из её творений. Он выглядел каким-то хилым тараканом. Она соорудила модуль-игольник, используя вместо предпочтительной полупервичной микросхемы детали музыкальной шкатулки – ну кто бы мог подумать! Но тут уж ничего не поделаешь.

Следующим шагом было программирование дрона на распознавание цели. Лучше было бы запустить его вручную, но будь у нее такая возможность, она бы смогла просто выстрелить Джедао в спину. У дрона была базовая оптическая система. Она позаимствовала из сети корабля самую простую программу распознавания образов, какую только смогла загрузить в его процессор, и скормила ей видео из досье капитана Черис. Во время загрузки данных в дрон ей пришлось испытать несколько ужасных моментов, когда отказало зрение. К счастью, процесс не требовал большого вмешательства с ее стороны. К тому времени как всё было сделано, Кируев вся взмокла от пота, но ее зрение в основном вернулось.

Неудивительно, что фракция Шуос так и не внедрила свой вариант формационного инстинкта. Утратив возможность убивать собственных гекзархов – как известно, это было исторически популярным времяпрепровождением у Шуос, – они бы начали на стены лезть.

Кируев стиснула зубы и сунула дрона в сапог. Если повезет, он не прострелит ей ступню случайно. До трапезы оставалось всего сорок девять минут. Неужели это заняло так много вре-

мени? Но она знала ответ на свой вопрос. Четырнадцать из оставшихся минут генерал потратила на душ, но ничуть не расслабилась, и двадцать девять минут собирала вещи. Полки выглядели как зона боевых действий, но это было нормально.

Ее левый сапог казался непропорционально тяжелым всю дорогу до столовой, хотя она знала массу дрона, включая немыслимое количество знаков после запятой. Она пришла на шесть минут раньше, не больше и не меньше. Но, как выяснилось, генерал Джедао опередил её на шестнадцать секунд, и это не прибавило Кируев воодушевления. Коммандер Джанайя появилась через две минуты, но она всегда была немного медлительной.

– Рад видеть вас, генерал, – сказал Джедао, как будто нормальные рабочие отношения были возможны для них. – Ну что, пойдём?

Джедао занял свое место во главе офицерского стола. Кируев села справа от него, Джанайя – слева, Стсан – за другим концом стола. Старшие офицеры штаба после минутного колебания заняли свои места.

Сервиторы разносили еду на подносах. Джанайя не обращала на них никакого внимания, вместо этого украдкой бросая взгляды на чашу, которую Джедао принес к офицерскому столу, несмотря на то, что ему предоставили другую, в соответствии с современной традицией. Тот факт, что Джедао помнил традицию, был важнее самой чаши – простой металлической штуковины. Кируев с болезненным любопытством спросила себя, принадлежала ли чаша капитану Черис.

Джедао кивнул сервитору, который принес ему палочки и ложку. Любопытно, Кируев никогда раньше не видела, чтобы офицер так делал. Или кто-то еще, если уж на то пошло. Сервитор, птицеформа с дополнительными конечностями, издал осторожный вопросительный звук. Он, вероятно, знал о крепости Адское Веретено столько же, сколько и любой из людей, хотя Кируев никогда раньше не приходило в голову задуматься, насколько разумным машинам есть дело до истории. Джедао в ответ вскинул бровь. Сервитор задумчиво чирикнул и продолжил работу.

– Ладно, – сказал Джедао голосом, который был отчетливо слышен, хоть и звучал не слишком громко, – на борту игломота это не имело значения, но я был бы весьма признателен, если бы кто-то сказал мне, существуют ли какие-то чрезвычайно важные правила для поедания вот этого всего. Особенно завернутых в водоросли штуковин. Их можно брать пальцами, или как?

Джанайя от неожиданности рассмеялась.

– Мы не Андан, сэр. Вся суть в том, чтобы не уронить еду, пока несёте её ко рту.

– «Завёрнутые в водоросли штуковины» – это в основном овощи и рыба, – вынуждена была добавить Кируев. – До той поры, пока сервиторам не захочется экспериментировать.

– Рад это слышать, – сказал Джедао. – По крайней мере, никакие творческие эксперименты не могут изменить палочки для еды. Их-то я узнаю. – Он взял кувшин с водой, наполнил чашу и сделал глоток. Все Кел внимательно наблюдали за ним. Он должен был это осознавать, но выражение его лица было безмятежным.

Кируев так и подмывало выудить дрона из сапога и во всем признаться. Джедао, однако, передавал чашу ей. Чаша в ее руке казалась обычным предметом, а вода была той же чистой, сладкой водой, которую она привыкла пить. В справедливом мире жидкость сожгла бы ей горло... «Прекрати!» – велела генерал самой себе. И оцепеневшими пальцами передала чашу сидящему справа.

Джанайя упорно пыталась завязать светскую беседу.

– Не думаю, что в ваше время военная еда была лучше.

Губы Джедао дрогнули.

– Вы начали службу на моте, не так ли, коммандер?

– Это верно, сэр, – ответила Джанайя. – Мне повезло. Я, собственно, и не люблю топтать грязь. Цветы весьма милы, но для их выращивания не требуются целые планеты.

Кируев не могла винить Джанайю. Все Кел в офицерской столовой были в ужасе. Мало кто говорил, почти все взгляды были прикованы к столу, за которым сидел Джедао. Джанайя не хуже других знала, какую угрозу представляет собой немертвый генерал. Она делала все возможное, притворяясь, что ничего необычного не происходит, чтобы люди не запаниковали. Кируев следовало бы сделать то же самое, как бы она ни была взволнована.

– Я ел ужасные вещи, когда начинал в пехоте, – сказал Джедао. – Когда я был лейтенантом, мы однажды застряли в тылу врага. В конце концов мне пришлось застрелить двух человек, которые подрались из-за того, кому есть личинок.

– Насколько мне известно, личинок у нас нет, – сказала Стсан, – но некоторым сервиторам нравится охотиться. Капитан-инженер Миуго рассказывал, что иногда они оставляют свою добычу у его двери, как кошки. К счастью, у Миуго крепкий желудок.

– Укажите мне его, – попросил Джедао.

– Вон тот щёголь, – сказала Джанайя, размахивая ложкой. – С волосами, заплетенными в косы.

– А-а, я вижу его.

Джедао повернулся к остальным сидящим за столом и предложил им представиться поподробнее. Он узнал, что у подполковника Наджада из отдела материально-технического обеспечения трое детей, и то ли счел действительно интересным, что средний ребенок был исследователем в области сравнительной лингвистики, то ли очень хорошо притворялся. Исполняющий обязанности главы разведки, майор Лю, был втянут в дружеские дебаты о каком-то открывающем гамбите в непонятной шуосской настольной игре. Только ответственная за боевые операции оставалась необщительной, но Джедао это скорее удивило, чем обидело.

Кируев, со своей стороны, удивлялась, каким образом уроки истории, в которых так подробно рассказывалось о тактике, позволившей выиграть битву при Свечной Арке, могли не упомянуть о том, насколько Джедао болтлив, не говоря уже о поразительно грязных анданских шутках, которые он знал. Поразмыслив, Кируев поняла, что имеет лишь смутное представление о том, как «черная колыбель» обеспечивает бессмертие. Ходили слухи, что это устройство больше похоже на тюрьму, чем на что-либо другое. Может быть, Джедао спустя столетия изголодался по разговорам.

Во время трапезы в офицерской столовой стало еще более напряженно. Кел всё ждали, когда прояснится вопрос с тем, как именно Джедао собирается их убить. «Буду сражаться с Хафн», – сказал Джедао. Насколько он серьезен? Даже если у него благие намерения, что маловероятно, он должен знать, что Командование Кел вряд ли позволит ему беспрепятственно разгуливать на свободе.

Джедао съел лишь половину риса в своей тарелке. Он положил палочки и сказал:

– Что ж, можем перейти к совещанию. Полагаю, вы все знаете, что делать.

Он осушил свою чашу, встал, прицепил её к поясу и кивнул офицерам за столом, прежде чем выйти из столовой.

Кел молча смотрели ему вслед.

– Коммандер, – вежливо обратилась Кируев к Джанайе, прежде чем выйти из столовой вместе со штабными офицерами. Пришлось признаться самой себе, что она понятия не имеет, какую участь Джедао ей приготовил. От ее внимания не ускользнуло, что Джедао мало интересовался ее личной историей, хотя других признаков неприязни не было, да и Кируев не любила говорить о ее семье. Но даже в этом случае ее мучило желание быть полезной своему начальнику.

Она не могла позволить себе думать о том, что будет делать дальше. Зрение снова начало подводить. И левую ногу свело судорогой. Она стиснула зубы и пошла дальше.

Назначенный конференц-зал находился недалеко от офицерской столовой. Кируев догнала Джедао главным образом потому, что тот то и дело останавливался полюбоваться картинами на стенах: пепельные ястребы, поднимающиеся из разрушенных городов, пепельные ястребы, гнездящиеся на невероятных шпилях, пепельные ястребы, рассекающие грозовые тучи. Кируев уже много лет воспринимала келский декор как нечто само собой разумеющееся, но теперь, взглянув на него по-новому, признала, что он скорее безвкусный, со всеми этими вышитыми золотом завитушками и янтарными бусинами. Если уж на то пошло, она понятия не имела, как Кел украшали свои моты при жизни Джедао, но, учитывая, сколько раз его якобы оживляли, не могли же гобелены вызвать такое потрясение?

– Я должен перестать тарашиться, или опоздаю на чертову встречу, которую сам и назначил, – сказал Джедао Кируев, когда она пристроилась на полшага позади него. – Вы знали, что я носил часы? Я не видел их уже пару столетий. Вы, наверное, понятия не имеете, о чём я...

Он ступил на опасную территорию.

– Видела парочку, – сказала Кируев. – В антикварных лавках, с вынутыми потрохами, чтобы они не сумели сделать с календарем ничего еретического.

Джедао фыркнул.

– И почему я не удивлен.

Дверь конференц-зала открылась при приближении Джедао. Непонятно почему, но Кируев удивилась, что дальняя стена все еще изображает последнюю из её настроек – нарисованное чернилами дерево гингко. Оригинал приписывали генералу Андан Чжэ Наво, хотя можно было только гадать, действительно ли та его написала.

Джедао сел за стол, сделанный из черного камня с тусклыми золотыми завитками, похожими на призрачные отпечатки пальцев. Он достал из ниоткуда колоду карт джен-цзай и тасовал их с легкостью, выработанной долгой практикой. Потом он заметил, что Стсан смотрит ему на руки, хищно улыбнулся ей и положил карты на стол.

Кируев сказала себе, что это будет обычное совещание – какая жалость, что она не умеет лгать самой себе! – и села справа от Джедао. Остальные главы подразделений заняли свои места в мрачном молчании. У майора Лю был такой вид, как будто он жалел, что аналитика, возглавлявшего отдел до него, выгнали. Подполковник стратегии Риозу, с другой стороны, продолжала смотреть на Джедао с выражением «я тебе мозг напрочь вынесу», которое появлялось на её лице всякий раз при встрече с каким-нибудь любопытным новичком.

– Итак, – сказал Джедао, – пока я был в нёмёртвом состоянии, никто не озаботился тем, чтобы подключить меня к какой-нибудь библиотеке, но домашнее задание я постарался сделать. Если я верно понимаю, оборона Крепости Вертящихся Монет была модернизирована семьдесят шесть лет назад?

«Нога чешется», – внушила себе Кируев. Самообман становился всё тяжелей. Как же у Шуос такое получалось? По иронии судьбы формационный инстинкт не позволял ей просто выложить всё начистоту. Она была твердо убеждена, что не имеет права перебивать старшего по званию.

Стараясь не морщиться слишком заметно, Кируев под столом потянулась к сапогу. Руку свело судорогой. Она чуть не зашипела, скорее от неожиданности, чем от боли. Это было нелепо, потому что она знала, что такое произойдёт. «Это просто зуд». Её пальцы отыскивали дрона, включили – после благословенно краткой заминки – и выпустили на волю. Если она не услышала, как устройство заняло позицию, никто другой уж точно не услышал. Конечно, оставался шанс, что штуковина не сработает, но об этом лучше не думать.

– ...фантомная топография, – говорила Риозу, что-то печатая на планшете. – Вот краткое описание орудий крепости. Полагаю, вы обнаружите, что изменилось лишь несколько деталей. А вот фантомная топография – то, с чем вы, возможно, не знакомы.

Джедао взглянул на свой планшет в поисках цифр.

– Да, понимаю. Как насчет того, чтобы объяснить своими словами то, что, по вашему мнению, я должен знать. Рабочие детали, а не сухие списки цифр, которые загружают в базу данных сети. Представьте себе, что я кадет. – Он улыбнулся при виде её явного смущения. – Я серьезно. Полагаю, это экзотическое... оружие? Оборонительная система?

– Экзотическая оборонительная система, – сказала Риозу. – Её эффективность падает по мере возведения обратного радиуса в квадрат, и она истощает источники питания, как ничто другое. Но при этом делает именно то, о чем говорит название. Создает временную местность в космосе.

Где же дрон? При других обстоятельствах Кируев дала бы объяснение получше. Риозу всегда казалось, что она говорит яснее, чем на самом деле. По спине Кируев струился пот. Она не смела отбросить притворную внимательность, чтобы поискать маленького убийцу взглядом, и если бы она поразмыслила об этом, мучительные физические эффекты возобновились бы.

Джедао снова взял свои карты. Развернул их веером и перевернул первые шесть. Туз шестерней, туз роз, туз глаз, туз дверей, «полыхающее знамя» и «утонувший генерал». Очень неудачный расклад для суеверного игрока.

– «Топография» может подразумевать что угодно, – очень мягко проговорил Джедао. – Особенно когда речь идет об экзотике. Мы говорим о сопротивлении среды движению, о чем-то вроде плавания сквозь грязь, о фактических физических барьерах, силовых стенах...

И тут все услышали тонкий и высокий мелодичный звук откуда-то сбоку. Дрон выполз из-под шкафа. Кируев тотчас же поняла, в какой части схемы у неё ошибка. Ещё ей хватило времени проклясть себя за то, что она использовала дурацкую музыкальную шкатулку как источник запчастей. Она явно недостаточно тщательно продумала резонансную активацию.

Игольник дрона выстрелил четыре раза, в такт жутковатой мелодии. Все уже пришли в движение. Кируев рефлекторно вскочила, чтобы защитить Джедао, как и Лю, Риозу и Кел Мерики, ответственная за боевые операции. Джедао выхватил пистолет, но не выстрелил – ему загрозили обзор.

Игольник заклинило. Музыка сбилась, две ноты начали повторяться, фальшиво завывая. Дрон ненадолго заметался туда-сюда. Мерики все равно выстрелила. Пуля срикошетила. Колени Кируев подогнулись. Снова выстрелы – она почувствовала их, но ничего не услышала, хотя рты офицеров двигались.

Дрон развалился, когда в него наконец попали две пули. Кируев и не пыталась сделать его крепким. Осколки разлетелись по комнате в разные стороны. Один ударился о ножку стола и отскочил, но Кируев не видела, куда он делся. Через мгновение Кируев поняла, что она не заметила, сколько вокруг крови – хотя и почувствовала ее запах, – потому что потеряла почти всю соответствующую часть спектра. У неё перед глазами всё представало в холодных оттенках синего. Она попыталась встать на ноги, но мышцы не слушались.

Кел Лю лежал на полу. Мерики рухнула поперек стола.

– ...медотсек, – донесся издали голос Джедао, твердый и резкий. – Двое убитых, о ранениях ничего не известно. И мне нужно будет поговорить с Доктриной об усилении безопасности, раз уж агенты Хафн подбросили что-то на гребаный командный мот. Я в курсе по поводу убийства генерала Черкад.

Первой прибыла команда сервиторов и подтвердила, что Лю и Мерики мертвы. Лю получил три иглы. Четвертая вонзилась в стену рядом с изображением гингко. Один из осколков дрона попал Мерики в глаз.

– Хорошо, – сказал Джедао все тем же отрывистым голосом. – Известите майора Арвика, что он теперь новый исполняющий обязанности начальника разведки, то же самое касается майора Беримея и боевых операций. Мы попробуем провести совещание ещё раз, после того как Доктрина убедит меня, что других ловушек нет. Все вон отсюда. – Он на мгновение задумался. – Кроме вас, генерал Кируев. Идёмте со мной.

Джедао не мог не знать правды, несмотря на всю ерунду, которую он скормил медикам.

– Сэр, – сказала Кируев, или ей показалось, что сказала. Она с трудом поднялась на ноги. Уцелевшие главы подразделений отдали им честь, покидая зал.

– Ладно, – сказал Джедао, когда никто не мог его услышать, – у вас или у меня?

Его рука была далеко от пистолета, но и в тот раз, когда он стрелял в Брезана, было то же самое.

– Уверена, что в моей каюте безопасно, сэр, – сказала Кируев, не делая особого ударения на слово «безопасно». Когда Джедао увидит коробки с расчлененными приборами, у него будет достаточно улик. Да уж, пора с этим покончить...

Покои Кируев находилась дальше по коридору от каюты Джедао. Немертвый генерал пропустил ее вперед. Дверь за ними закрылась.

– Вы не шутили насчет часов, генерал, – сказал Джедао, осматривая полки, где Кируев хранила свои любимые безделушки. – Эти, из розового золота, были бы весьма милы, если бы вы их починили... впрочем, неважно. Вы, наверное, были в шоке, когда я связался с инженерным отсеком и спросил, не заказывал ли кто-нибудь недавно какие-то побрякушки. Но, получается, вам и не требовалась помощь. Кадетом вы изучали инженерное дело, верно?

Кируев не знала, что ей нужнее: трость или пуля в голову. На то, чтобы стоять и не падать, уходили все силы, какие у неё остались.

– Прошу прощения? – пробормотала она.

Джедао посмотрел на нее, затем принес стул.

– Садитесь, ради лисы и пса. Не хотелось бы мне разговаривать с полом.

Она села.

Джедао скрестил руки на груди.

– Я приблизительно знаю, что сейчас творит с вами формационный инстинкт, генерал, но мне нужно, чтобы вы прислушивались к моим словам своим настоящим мозгом, а не той его частью, которая готова уделать меня до смерти своим лизоблюдством. Уж простите за грубость.

Кируев устала на пистолет в кобуре Джедао.

– Я предала вас, сэр, – прохрипела она. – Моя жизнь в ваших руках.

– Дело не в этом, генерал.

Кируев попыталась осмыслить это заявление. Если уж на то пошло, Джедао совершенно осознанно обращался к ней по званию. Что происходит?

Глаза немертвого полководца были очень холодны.

– Вы облажались, генерал. Вы убили двух соратников. Если это стандартный игольник, то в нем двенадцать зарядов – нам повезло, что его заклинило и больше никто не погиб.

Кируев вздрогнула от презрения в голосе Джедао.

– Мне известно, какая у меня репутация. Я действительно уничтожил армию Кел. Так что у Кел есть миллион причин желать моей смерти. Но я не шутил, когда говорил, что буду сражаться с Хафн. – Джедао скривился. – Стрелять в людей – одна из немногих вещей, в которых я хорош. Это единственный способ загладить вину. И для этого мне нужны солдаты, а не трупы.

– Сэр, – прошептала Кируев, не зная, что сказать.

– Я был агентом Шуос, – сказал Джедао более нормальным тоном, от которого сердце Кируев замерло. – Это длилось недолго, поскольку потом я перевёлся в армию Кел, но вы удивитесь, когда узнаете, сколько убийств можно совершить за восемь месяцев, если гептарх настаивает. Между мной и дроном были Кел, включая вас. Учитывая формационный инстинкт,

вам нужно было остаться со мной наедине. Вы могли бы послать дрон за мной по пути в конференц-зал, если бы он у вас уже был. Вы были на полшага позади меня, но, возможно, смогли бы подавлять инстинкт достаточно долго, чтобы не привлечь моё внимание к этой штуковине или я не знаю, что ещё. Полагаю, вы не создали оружие с лучшей пробивной способностью из-за отсутствия нужных частей. В любом случае дрон мог бы беспрепятственно выстрелить мне в спину. Если бы вы действовали хоть наполовину компетентно, вернули бы свой рой, и офицеры остались бы живы.

Кируев пришло в голову, что она ждала от этого разговора чего угодно, только не критического обзора её покушения на убийство. Впрочем, неудивительно, что даже четырехсот-летний Шуос, прошедший всю свою сознательную жизнь на службе Кел, будет одержим компетентностью.

– Мне такой вариант не приходил в голову, – просто сказала Кируев.

– Да уж, заметно.

– Моя жизнь – в ваших руках, сэр.

Джедао бросил на нее косой взгляд.

– Знаете, чем скрипка отличается от Кел?

Она знала ответ на этот вопрос.

– Кел горит дольше.

– Послушайте, – сказал Джедао, – я хорошо говорю только на языке оружия, так что, возможно, неясно выразился. На хрен мне сдалась ваша смерть, генерал? Убивать людей так легко, но обычно это необратимо. Командование Кел явно считает, что вы хороши в своем деле. Они подумывали над тем, чтобы однажды вас повисить, если я верно понимаю, что означают те отметки в личном деле.

Кируев против собственной воли напряглась, но Джедао продолжил:

– Мне нужна ваша жизнь, генерал. Нужна ваша помощь в борьбе с Хафн. Но вы должны пообещать мне, что больше не будете убивать людей из-за такой небрежности. Потому что, если вы ещё раз такое устроите, я покажу вам омерзительный способ убийства игровой картой. – Джедао вытащил одну из рукава: двойка шестерней. Его личная эмблема.

– Я буду служить вам, сэр, – сказала Кируев, – сколько прикажете.

Джедао ослепительно улыбнулся ей, и Кируев поняла, что потерпела полное поражение.

Глава третья

Когда Режни Брезан был кадетом-третьекурсником во Второй Академии Кел, он узнал, почему учения под кодовым названием «Пурпур-53» числятся в списке как «Пурпурная паранойя». Его класс знал о предстоящих учениях, но понятия не имел, насколько всё будет плохо. Несколько лет назад другому классу попался сценарий, включающий множество орбитальных бомбардировок. Все считали, что второй раз никому так не повезёт. Кроме того, два года назад был назначен новый комендант – женщина, которая, по слухам, могла за завтраком придумать какой-нибудь расклад, в котором попросту невозможно было выиграть.

Обычным инструктором был коренастый седеющий мужчина, который никогда не улыбался. Брезан, сидевший в классе с другими кадетами, заметил блеск в его глазах. Не очень хороший знак. Рядом с ним Онуэн Вэй медленно и глубоко дышала, что означало, что она тоже это заметила.

В комнату вошла стройная мужеформа. Брезан узнал альта, который постоянно менял лица, одно уродливей другого. При виде обнаженных кистей вошедшего у Брезана свело живот от отвращения. Никто из кадетов не носил перчаток Кел; они заработают это право только после окончания учебы. Однако вновь прибывший, хоть и держался без заносчивости, выглядел человеком весьма опытным. Знаков отличия или фракционных эмблем мужеформа тоже не носила. Ей это и не требовалось. Никто здесь не осмеливался ей перечить.

В комнате воцарилась мертвая тишина.

– Для предстоящих учений, – сказал инструктор, – я вверяю вас нашему гостю. Шуос Зехуни² прикомандированы к нам самим гекзархом Шуос. – Зехуни были личным помощником гекзарха Шуос Микодеза, одним из немногих членов фракции, которых боялись сильнее, чем её главу. Зехуни обзавелись этим лицом несколько месяцев назад, и все уже были в курсе. – Я ожидаю, что вы окажете Зехуни такое же уважение и повиновение, как и мне или любому Келу. – Инструкторская улыбка – или та гримаса, что её заменяла – сделалась дьявольской. – Есть вероятность, что они знают больше способов расчленения надоедливых кадетов, чем я.

В угрозе не было необходимости. Все слышали о том, как Микодез ради забавы убил двух своих кадетов вскоре после того, как пришел к власти.

– Познакомиться со всеми вами – большое удовольствие для меня, – сказали Шуос Зехуни. Их голос был тихим, но не мягким.

Инструктор кивнул им и вышел, многозначительно насвистывая.

– Ну что ж, – продолжили Зехуни. – Все за мной.

Они гуськом вышли вслед за Зехуни, прошли по длинному коридору и несколько раз свернули, пока не достигли секций Цитадели-9, у которых была переменная планировка. С этого момента Брезан сосредоточился на том, чтобы не смотреть слишком пристально на стены, углы которых, казалось, были на грани разрушения, или на пол, который напоминал скопище больших и беспокойных змей. Сосед Брезана по двухъярусной кровати, кандидат в инженеры, любил читать трэшевые истории о приключениях, происходящих в недрах кампуса. Они неизбежно включали в себя роботов-убийц, иногда – говорящих хорьков и отважных кадетов, у которых никогда не заканчивались боеприпасы. Брезан попробовал и обнаружил, что такое чтиво вызывает противоестественное привыкание. Конечно, большинство приключений имели счастливый конец. Но если замешан Шуос, про счастливый конец можно забыть.

---

² В оригинале персонажа зовут Shuos Zehun и по отношению к нему/ней применяется небинарное местоимение they (букв. они). Ввиду того, что в русском языке род выдают не только местоимения, но и, в частности, окончания имён собственных, в переводе имя было немного изменено и стало несклоняемым.

Наконец они подошли к двери. Глаза Брезана отказывались сфокусироваться на ней, поэтому он посмотрел на инструктора. Тот факт, что правая рука Зехуни свободно висела вдоль тела, не вселял уверенности. Брезан не видел оружия, но это ничего не значило.

– Вы задаетесь вопросом, с какой это стати на вас наслали лиса, – сказали Зехуни. – Со всей откровенностью могу поведать, что ваш комендант проиграла пари моему гекзарху. И по причинам, недоступным моему пониманию, мой гекзарх позволил ей легко отделаться.

От этого Брезан тоже не испытал облегчения.

– Как бы то ни было, мы можем извлечь из этой ситуации максимальную пользу. Когда я дам вам разрешение, вы войдете в дверь гуськом, по одному. Внутри будут столы, на каждом – конверт и ручка. Рекомендую открыть конверт сразу, потому что, хоть сценарий и пошаговый, на каждый ход отводится время. Шесть минут, если точнее.

Брезан на мгновение задумался.

– Сэр, можно вопрос?

– Представься, птенец.

Было неприятно слышать такое обращение из уст не-Кел, но в качестве гостевого инструктора Зехуни были в своём праве. Не говоря уже о том, что придирается к помощнику гекзарха из-за оскорбления было бы самоубийством.

– Кадет Режни Брезан, сэр.

– Слушаю.

– В комнате есть часы? – Он успел заметить, что аугмент перестал отвечать на запросы. Зехуни внезапно улыбнулись.

– Нет.

Восхитительно. Брезан решил, что лучше подождать, пока он не узнает больше, чем рисковать головой. Он старался не думать о том, что сказала бы его сестра, Кел Миузан. В детстве её заявления в духе «из меня выйдет лучший на свете Кел, в отличие от кое-кого», омрачали его существование.

– Большую часть инструкций вы прочитаете на бумаге, – продолжили Зехуни, – но сценарий в общих чертах таков. Вы – часть оперативной группы Кел, которую послали подавлять восстание в изолированном городе. Поступили сведения, что в ваших рядах имеется «падающий ястреб», сотрудничающий с повстанцами, но информатор умер, прежде чем смог указать на предателя. Удачи в выяснении ситуации.

«Падающий ястреб» – один из тех редких Кел, которым невозможно было привить формационный инстинкт. Брезан презрительно скривил губы. Он с нетерпением ждал возможности уничтожить предателя.

Вэй захотела задать вопрос и получила разрешение.

– Сэр, каково условие победы?

– Давайте я так сформулирую, – сказали Зехуни. – Вы сразу поймете, если проиграете. Больше ни у кого не было вопросов.

– Ладно, – сказали Зехуни. – Идите.

Дверь открылась. Невозможно было разглядеть, что находится за ней. Брезан увидел в мерцающем мареве свой сигнификат, «Пепельный ястреб, разъятый», и ощутил легкое головокружение, которое означало, что остальные видят что-то иное – видимо, собственные сигнификаты. Его старшей сестре Миузан посчастливилось заполучить куда более респектабельный вариант, «Пепельный ястреб, бдящий». Впрочем, когда в последний раз они оба навещали родителей, старший отец велел ей перестать выпендриваться из-за дурацкого личностного теста в картинках и пойти привести в порядок колоссальную семейную коллекцию старинного оружия. Оглядываясь назад, он понимал: надо было заняться звукорежиссурой, как самая старшая из сестер. Тогда бы он не оказался здесь, покрываясь потом из-за шутки в духе Шуос – то есть такой, от которой кому-то точно будет больно.

Очередь двигалась. Брезан невольно стиснул зубы, когда пришел его черед. Удивительно, но переступить порог оказалось не больно, хотя он и приготовился к этому. Какое-то мгновение он не мог понять, где находятся его руки и ноги по отношению к остальному телу. Но он знал, что лучше не цепенеть. Лучше не проверять на себе, что случается с людьми, которые застревают в дверях. Потом он снова обнаружил, где верх, а где низ, и оказался в комнате один.

Стены были сложены из блестящего черного кирпича – если, конечно, существовали такие кирпичи, которые производили впечатление огромных расправленных крыльев, когда смотришь на них краем глаза. Брезан оторвался от созерцания стен – это была небрежность, надо сосредоточиться – и подошел к столу. Стол и сопутствующее ему кресло, к его облегчению, были обычными. Он взял конверт, который был из бледной кремовой бумаги. Едва коснувшись его, Брезан понял: что-то не так. Кто, черт возьми, потратил шелковичную бумагу такого качества на тренировочные упражнения? В тех случаях, когда Академия использовала вместо сетевых бумаги настоящую, предпочтение отдавалось материалу с чуть восковой поверхностью, на которой удобно было писать масляными карандашами.

Первым предметом в конверте оказалась карта города и его гарнизона, несомненно, вымышленная. Впрочем, в гекзархате было много одиноких городов на изолированных лунах, так что кто знает. Карта была скопирована вручную человеком, не лишенным художественного чутья. Конверт также содержал еще две карты – к счастью, всего лишь распечатки, – отображающие приблизительное расположение важнейших объектов с кратким описанием. Сейчас он моргнет, и они превратятся в карты сокровищ, написанные призрачным ихором, как в приключенческих историях его соседа по двухъярусной кровати.

Далее он достал документы, в которых содержались бесполезные сведения о повстанцах, которых по неясным причинам называли Пурпурными, и об их первом шаге. Они убили приезжего властителя из фракции Андан. Брезан машинально подумал: «Туда ему и дорога» – и, наверное, это пришло в голову не только ему. Хоть означенный Андан и был вымышленным, в последние десять лет отношения между Кел и этой фракцией были натянутыми.

Затем были правила, включая напоминание о том, что на каждый ход отводится шесть минут. Он мог сохранить карты и прочие материалы. Ещё имелся единственный чистый лист бумаги. Игрок мог адресовать свой приказ конкретному подразделению или кадету, и задание должно было поместиться на листе. Правила ничего не говорили о том, насколько разборчиво следовало писать. Своё решение надо было вложить в конверт до конца отведенного времени. Конверт сканировал содержимое листка и отправлял инструктору. Звон колокольчика должен был уведомить Брезана, когда можно снова открыть конверт и сделать следующий ход.

И, наконец, он добрался до заключительных инструкций. Они были написаны на маленьком листочке ещё более качественной бумаги, красивым каллиграфическим почерком. Брезан брал обязательные уроки каллиграфии, сам владел кистью в лучшем случае сносно, однако мог оценить красоту. И всё же эстетика лишь на миг отвлекла его от содержания инструкций.

«Ты – падающий ястреб», – сообщал листок. И перечислял правила, по которым он мог отдавать приказы игрокам Пурпурных, а также то, что ему позволялось делать с Кел. Правила были лаконичными, элегантными и жестокими. Он понятия не имел, какие роли достались прочим кадетам, но уже видел способы, позволяющие выяснить это окольными путями.

– Да пошли вы... – проговорил Брезан вслух, хотя за ним точно наблюдали. Он не собирался быть предателем.

Как и все остальные кадеты, после первой инъекции формационного инстинкта он подвергся испытанию Первой формацией, но прошел его с большим трудом. Он был не «падающим ястребом», нарушителем формаций, но... кем-то вроде того. Неужели этот дрянной помощник гекзарха назначил его на эту роль специально, чтобы проверить?

«Ты у меня попляшешь», – подумал Брезан. Но надо было играть по правилам. Он не станет жульничать, как Шуос. Пусть это и соблазнительно.

Шесть минут ещё не прошли – если, конечно, Зехуни об этом не соврали. Руки Брезана вспотели. Он знал, что нужно делать. Нет смысла откладывать.

Будучи «падающим ястребом» он, в строгом смысле слова, Пурпурный игрок.

Он взял ручку и написал: «Приказ Режни Брезану, Пурпурному игроку. Помоги любому игроку Кел, который свяжется с тобой, в меру возможностей».

И сунул листок в конверт. На большом и указательном пальцах появились чернильные пятна. Он забеспокоился, достаточно ли аккуратно вышел текст, но воздержался от того, чтобы снова открыть конверт.

«Ну вот», – подумал он свирепо и стал ждать, когда его вышвырнут с учений.

Долго ждать не пришлось. Через пять ходов листок бумаги сообщил, что он погиб во время бомбардировки Пурпурными университета, где руководил отрядом Кел, работавшим в качестве спецназа во время демонстрации. Работа для Видона, только вот по условиям задачи членов этой фракции у них было недостаточно.

В дверь постучали.

– Выходи, если уже ознакомился со своей судьбой, – раздался голос Шуос Зехуни. – Материалы можешь оставить или забрать на память, как пожелаешь.

Да уж, море возможностей. Брезан собрал бумаги и вышел через дверь в конференц-зал. Шуос Зехуни сидели в одиночестве, вглядываясь в терминал, показывавший нечто среднее между чернильным пятном и дорожно-транспортным происшествием.

– Полагаю, я умер первым, сэр? – сказал Брезан, угрюмо оглядывая комнату.

– Нет, кое-кто вылетел после второго хода, – ответили Зехуни. – Так всегда случается. Ты, должно быть, удивляешься, почему ты здесь.

Брезан напрягся, жалея, что он не в бронежилете.

Уголки рта Зехуни поднялись.

– Что, никаких догадок?

– Я воспользовался лазейкой и поступил не так, как положено Кел, – проговорил Брезан. Он не мог дожидаться окончания этого разговора. – Я ожидаю выговора.

– О, мы, Шуос, подобных глупостей не делаем, – сказали Зехуни. – Если кто-то портит сценарий учения, мы заставляем его или её разработать следующий, под наблюдением. Затем мы запускаем его, позаботившись о том, чтобы каждый кадет, принимающий участие в учениях, знал, кто автор сценария.

Брезан порадовался, что Академией Кел руководят именно Кел, которые действуют согласно правилам, а не хорьки, призраки или члены фракции Шуос. Он посмотрел в спокойное, темное лицо Шуос Зехуни и спросил себя, какого ответа от него ждет.

– Ты здесь, потому что твоё решение привлекло мое внимание, – сказали Зехуни. – Дух Кел, но метод не келский. Ты остался верен своим соратникам, отредактировав правила.

– Но это всё равно меня убило, сэр, – сказал Брезан, хоть и не в его интересах было напоминать об этом инструктору.

– Да уж, какая неожиданность – Кел погиб при исполнении.

– Я ещё не Кел, сэр.

– Мелочи, мелочи... – отмахнулись Зехуни. – А хочешь поглядеть, как дела у остальных? – И они напечатали команду на терминале.

Дисплей терминала расплущился, затем появился в трех измерениях над столом конференц-зала. Не нужно было быть гением, чтобы понять: Пурпурные громят кадетов. Конечно, соперником управлял взрослый Шуос, чьи честные игры остались в далёком детстве, но Брезан надеялся на менее односторонний перевес. Пара его одноклассников обычно демонстрировали блестящие тактические способности. Что пошло не так?

– У меня есть сведения, которых нет у тебя, – сказали Зехуни. – Взгляни, это список ролей. – Они снова ввели команду.

Рядом с пурпурными отметками на карте появились надписи всё тем же каллиграфическим почерком.

«Ты – падающий ястреб».

– Все получили одно и то же, – сказали Зехуни.

Брезан вздрогнул и схватился за край стола.

– Я спросил не о том правиле, – проговорил он невыразительным голосом. – А если бы я задал нужный вопрос, вы бы ответили, сэр?

– Сомневаюсь. – Зехуни прищурились. – Я превосходно умею лгать.

– Удивительно, что мы не уничтожили себя быстрее. – Никто и не подумал подвергнуть сомнению приказы – типичная патология Кел. Поскольку кадеты были изолированы друг от друга, они стали легкой добычей.

Зехуни увеличили часть карты, где обстановка была особенно катастрофической.

– Полезный урок, не правда ли? Но вот что я тебе скажу. Много лет назад в Первой Академии Шуос мы провели аналогичные учения. Вместо подразделений Кел были лазутчики, выполняющие работу по борьбе с повстанцами, к которой они не были подготовлены, но основная идея та же. В тот раз кадеты победили.

– Уверен, решение было хитроумным, сэр, – проговорил Брезан самым нейтральным тоном. – Что они использовали? Невидимые чернила? Обученных белок-посыльных? Отраву для инструктора?

– Ну, не надо так расстраиваться, – сказали Зехуни почти ласково. – Кадеты выиграли, потому что один из них предложил то же самое решение, что и ты. Разница в том, что он заранее узнал, какой сценарий будет применен. У нас же, как ни крути, другие правила относительно жульничества. Он оповестил других кадетов. Все поступили аналогично, и с того момента они работали сообща, чтобы одолеть инструктора.

Хоть Шуосы и славились тем, что наносили друг другу удары в спину чисто рефлекторно, Брезан всё равно был впечатлен.

– У тебя не было такой возможности не только из-за предрассудков Кел, но и потому, что моя система безопасности лучше, чем любые гипотетические попытки взлома. Но всё же я задаюсь вопросом. Почему ты решил стать Кел?

– Моя семья, сэр, – сказал Брезан после долгой паузы.

– Это не объяснение. Я не сомневаюсь, что ты справишься, но, честно говоря, лучше бы тебе не быть типичным Кел. Что будет непросто в обществе – без обид – строгих конформистов.

Брезан подавил желание бросить на Шуос Зехуни испепеляющий взгляд – вряд ли такое сыграло бы в его пользу.

– Я не прочь завербовать тебя в ряды Шуос, – продолжили Зехуни с видом человека, который четко осознает, насколько ужасны его слова. – Мы бы использовали тебя куда лучшим образом, и уж точно обучили бы скрывать эмоции. Надеюсь, ты не будешь играть в джен-цзай, иначе спустишь целое состояние. Но, сдаётся мне, ты полон решимости делать все по-своему.

Пока Зехуни говорили, на субдисплее мигали огни, оповещающая о сделанных ходах. Они их игнорировали. Их голос сделался резким.

– Кстати, тебе может быть интересно, кем был тот кадет Шуос. Его звали Вохан Микодез.

Гекзарх Шуос мать его Микодез. Убийца кадетов Микодез, самый блистательный из Шуосов, который не был по совокупности массовым убийцей. Это было последнее, что Брезану хотелось бы услышать.

Зехуни вернулись к своему планшету. Брезан уставился на их голые руки и поклялся самому себе, что будет скучным, заурядным, лишенным воображения Кел, в точности как герой любого келского анекдота.

И по этой причине после переворота, который устроил Джедао, было очень «весело» прийти в сознание и услышать спор на тему о том, Кел он или нет.

– ...любой может надеть черные перчатки и форму, если хочет, чтобы его из-за этого подстрелили, – говорил кто-то высоким голосом. – Послушай, подожди, пока мы не выясним, куда, черт возьми, подевался работающий генный сканер. Я не знаю, что заставило Хачея разобрать на части хороший прибор. Подумаешь, какой-то там странный, надоедливый и прерывистый звук.

Брезан попытался моргнуть или открыть глаза. Веки были словно прикованы цепью. Он понимал, что все еще находится в спальной капсуле, куда его засунули по приказу Джедао. Всё делали очень быстро, и он мало что запомнил, не считая обрывочного холода и ощущения, что кто-то играет музыку вне пределов досягаемости. Для пробы он попытался пошевелить руками. Тоже не получилось.

Темнота под веками была удушающей, и он почти пропустил то, что говорил второй, гораздо более глубокий голос.

– ...не повезло. Бунт? Ты серьезно?

– Или, может быть, какой-то замысловатый план Командования Кел. Ты же знаешь, как это бывает, – сказал первый голос.

Брезан вспомнил, что должен предупредить Командование о случившемся, только вот у него кружилась голова и никак не получалось успокоить дыхание.

– ...вот этот, например. Честно говоря, раз уж они провели подготовку вот так, тят-ляп, отчего просто не расстреляли всех?

Брезан и сам был не прочь получить ответ на этот вопрос. Он приоткрыл веки. Тусклый свет просачивался в спальную капсулу, и один из медиков предстал в поле зрения расплывчатым пятном. Брезан попытался постучать, но сам не понял, удалось ли ему пошевелить рукой.

После бесконечно долгой паузы медик открыл капсулу. Брезан сморщился бы от внезапного яркого света, но с координацией оказалось совсем плохо. И говорить он тоже не мог.

– Взгляни на знаки отличия, – сказал мужчина. – Это какой-то офицер, верно?

Кем бы ни были эти медики, они явно не Кел.

– Это подполковник, болван. – Владелец первого голоса говорил так, словно считал своего напарника не умнее слизистой плесени. – Но в наши дни любой скучающий ребенок может украсть келскую униформу и взломать её.

Брезан открыл рот, чтобы возразить. Вместо этого его настиг болезненный приступ кашля. Во рту был привкус меди. После этого никак не мог отдышаться и так отвлекся, что даже не заметил, как сервиторы переложили его на койку.

– ...ясно, что произошло, – продолжил первый голос. – Я имею в виду, что они не могли просто взять и бросить «падающего ястреба». Кел расстреливают «падающих ястребов», когда их обнаруживают. Он, должно быть, самозванец. Хотя я не знаю, почему они не застрелили самозванца. Я понимаю, почему им пришлось вернуть Нирай и прочих к своим, но этот вот – прямо форменная загадка. Никакой закономерности. Должно быть, это был настоящий мятеж. Я бы купил билет, поглазеть на такое зрелище.

– Это был не гребанный мятеж, – сказал Брезан, прежде чем осознал, что к нему вернулся голос. Казалось, кто-то обработал голосовые связки рашпилем, но это было лучше, чем ничего.

Оба медика с интересом уставились на него. Первый говоривший был маленьким и бледным, его взгляд выражал безграничный цинизм. Второй вертел в руках стилус.

– Вот как? – сказал он. – А что случилось? Пока ни у кого нет связной истории.

Брезан пришел в себя достаточно, чтобы заметить, что ни один из медиков не одет в цвета какой-нибудь фракции. Он не мог выболтать правду гражданским. Очередной приступ кашля помешал ему ответить.

– Он будет в такой же истерике, как и остальные, – заметил первый медик. – Усыпи его, и пусть сервиторы разбираются.

– Я подполковник Кел Брезан, – сказал Брезан, тяжело дыша. – Мне нужно добраться до защищенного терминала.

– Похоже, он говорит серьезно, – сказал второй медик, как будто Брезана не было рядом.

– Ну и что он с нами сделает? Отдаст приказ? Я хочу сказать, не кажется ли тебе странным, что мы на 73 процента декантировали этих неудачников, и это единственный ястреб – я не имею в виду офицера, я имею в виду любого Кел – во всем грузе? Чертовски подозрительно, если хочешь знать мое мнение.

Брезан был готов придушить обоих, но в его теперешнем состоянии это была ужасная идея. Ну ладно. Если у первого медика была какая-то теория заговора – не такая уж и неразумная, учитывая обстоятельства, – он может подыграть.

– Ну ладно, ваша взяла, – сказал он, стараясь скрыть раздражение. – Меня выгнали, потому что я работаю на Шуос. Позвольте мне доложить начальству, прежде чем я убью вас пряжкой от ремня. – Глупая угроза, но лучшей он придумать не мог.

Медики переглянулись.

– Я же тебе говорил, тут кроется что-то этакое! – заявил первый второму с огнём в глазах. Потом продолжил, обращаясь к Брезану: – Ты в плохой форме. Мне придется следить за тобой во время сеанса связи.

Любители сплетен. Вот дерьмо. Если он попытается сказать Командованию Кел правду, это будет не только утечка информации – его ещё и накачают успокоительными, решив, что это бред.

Было трудно мыслить ясно, и когда он пытался рассмотреть вещи слишком пристально, у него начинало двоиться в глазах. Но надо было предупредить Командование.

– Пошлите сообщение Шуос Зехуни с самым высоким приоритетом, какой возможен, и скажите, что его вызывает Режни Брезан из роя «Лебединый узел». – Зехуни наверняка игнорируют половину ерунды, которая приходит на их адрес, но, возможно, они вспомнят кадета, с которым столкнулись много лет назад. И всё же, что именно он может раскрыть, не опасаясь последствий? Да ещё и по каналу, чью надежность нельзя гарантировать? – Скажите, что я наткнулся на ещё одного человека, который знает, как победить в игре «Пурпур-53», и хочу побеседовать с ними об этом.

Возможно, это было слишком уклончиво, но Брезану отчаянно хотелось погрузиться в сон, чтобы мир перестал выглядеть так, будто он смотрит на него из-под воды.

Первый медик воодушевился. Дурацкое послание, должно быть, внесло волнующее разнообразие в его рутину.

– Отдыхайте, агент Шуос, – заявил он. – Я обязательно отправлю ваше сообщение куда надо.

После этого разговор продолжался, но Брезан был слишком занят, погружаясь в беспмятство, чтобы хоть что-то услышать.

Глава четвертая

Последним хобби гекзарха Шуос Микодеза было контейнерное садоводство. В эту минуту он любовался необычайно уродливым цветком, который произвела на свет зеленая луковица, занимавшая видное место на его столе. Он также пил чай со своим младшим братом, Истрадезом. Вохан Истрадез был совершенно не в восторге от такого развития событий. Это означало еще одну деталь о Микодезе, которую нужно запомнить, не говоря уже обо всех подробностях относительно разновидностей грунта и дренажа.

Микодезу повезло с привлекательной внешностью рода Вохан, которая практически не требовала отладки на генетическом уровне. Он был высоким и чрезмерно худым от препаратов, которые принимал, с безупречной темной кожей, блестящими черными волосами и улыбающимися глазами. Однажды он пошутил, что присоединился к фракции Шуос, потому что её красно-золотой мундир выгодным образом смотрится с его цветом кожи и волос. В тот момент его младший родитель пригрозил схватить Микодеза и насильно перекрасить его волосы в бирюзовый цвет.

Истрадез выглядел точной копией брата, и это не было совпадением. Сегодня, наряду с копией униформы гекзарха, он носил такие же топазовые серьги. Родившись младшей сестрой Микодеза, он прошел модифицирование, чтобы стать двойником Микодеза на том основании, что это было почти так же хорошо, как если бы Микодез собственной персоной мог находиться в двух местах одновременно, и преимущества были почти так же хороши, как и недостатки.

– Кстати, спасибо, что выбрал такое уродливое растение, – сказал Истрадез. Он без труда имитировал интонации брата. – Ты разве не мог отдать предпочтение чему-нибудь красивому, например форзиции? Даже Зехуни согласны со мной, что оно как бельмо на глазу.

– Да, – сказал Микодез, понимая, что Истрадез ворчит не потому, что ему небезразличен внешний вид цветка, но потому что он заперт в Цитадели Глаз – звездной крепости, которая служила штаб-квартирой Шуос, – на протяжении вот уже месяца и двенадцати дней. – Но из него получился отличный гарнир для куриного супа с женьшенем, не так ли?

Истрадез посмотрел на срезанные листья злополучной зеленой луковицы.

– Не понимаю, как ты можешь судить, если сам едва притронулся к супу. – Он постучал по подносу с печеньем, которое Микодез уничтожил.

– Это цена, которую я плачу за то, что никогда не сплю, – мягко сказал Микодез. Его помощник Зехуни регулярно и безуспешно пытались заставить его следовать здоровой диете. Микодез обычно отвечал, что сладости еще не убили его, так зачем же портить то, что работает?

– По крайней мере, ты сегодня в хорошем настроении, – сказал Истрадез и улыбнулся Микодезу его же собственной улыбкой.

В моменты откровенности Микодез признавал, что не видит разницы, но в этом на самом деле и была вся суть. «Здесь необязательно так себя вести», – иногда хотелось ему сказать, но это было неправдой. Даже в Цитадели Глаз, даже в этой гребаной комнате, где они сидели друг напротив друга, как близнецы, он не осмеливался. Печальная правда: паранойя была его профессией. Иначе он не продержался бы сорок два года в качестве гекзарха.

– Я думал, куриный суп придется тебе по вкусу, – сказал Микодез. Келская пища, которую он сам считал ужасно банальной. Но после долгих миссий, на протяжении которых приходилось есть то, что предпочитал настоящий гекзарх, Истрадез обращался к простой еде. Микодез не мог отказать любимому сородичу в такой мелочи.

Истрадез взмахнул ресницами, глядя на Микодеза.

– Так и вышло. Со мной просто трудно.

– Лисы оберегают нас.

– Можно подумать, лисы когда-нибудь славились конструктивностью.

– Ты делаешь мне больно, – заметил Микодез. – Лисы могут быть полезны, если их правильно обучить.

– Но тогда они уже не лисы, а всего лишь гончие.

Во фракции Шуос этому различию уделяли особое внимание. Большинство чужаков считали их всех лисами. Но сами Шуос делили свои ряды на лис и гончих. Первые были эффективными «тайными» агентами, героями драм; вторые – бюрократами, техниками и аналитиками, которые выполняли настоящую работу. (У Микодеза, который учился на администратора с уклоном в аналитику, были на этот счет свои предубеждения.)

– Ты говоришь «всего лишь», как будто это плохо, – сказал Микодез. Он взял конфету из вазы, стоящей на столе между ними, и раскусил твердую, посыпанную сахарной пудрой оболочку, добравшись до еще более сладкой, со вкусом сливы, сердцевины. – Одна лиса умнее, чем одна гончая; а вот свора гончих – это совсем другое дело. И я всегда считал, что правильно управляемая бюрократия смертоноснее любой бомбы.

– Я постараюсь не отпускать очевидных шуток насчет бумажной работы. – Истрадез избегал более очевидных шуток о Джедао. – Я так рад, что не занимаюсь твоей работой. Достаточно того, что в меня стреляют – не хватало ещё и возглавлять фракционную политику.

Это было не совсем так. В силу необходимости Истрадезу иногда приходилось принимать политические решения сообразно своей роли. Но Микодез всегда следил за тем, чтобы его полностью информировали и чтобы у него была команда советников, на которых можно положиться, как сам Микодез полагался на Зехуни и собственный штаб.

– Кстати, ты ещё не придумал для меня какое-нибудь задание?

– Еще не время, – сказал Микодез. – Обстановка наскучила? Послушай, у тебя в последнее время с объемом внимания почти так же плохо, как у меня. Ты должен встретиться с кем-нибудь из Рекреации и высказать свои мысли на эту тему.

– Извини, но ты платишь мне только за то, чтобы я был тобой, а не за то, чтобы я выполнял за медиков их работу.

– Но можно же попр...

Тревожное уведомление помешало Микодезу договорить.

– Сообщение с высоким приоритетом от Шуос Зехуни, – сообщила сеть. – Зехуни просят о немедленной встрече с вами, наедине.

Истрадез печально улыбнулся брату.

– Оставляю тебя наедине с последним ЧП глобального масштаба, – сказал он. – Если разобьешь зеркало – ты в курсе, где меня найти. – Он наклонился и обнял Микодеза, поцеловал в губы. Время от времени они становились любовниками, на что прочая семья поглядывала с изумлением. «Ну, по крайней мере, они заняты друг другом», – решила их старшая мать. Поскольку эти двое родились в яслях с разницей ровно в год, семейное суеверие утверждало, что они будут особенно близки. Микодез не особенно интересовался постельными упражнениями как таковыми, но ему нравилось радовать Истрадеза.

Микодез отмахнулся от брата.

– Да-да, – сказал он, – наслаждайся свиданием и не забудь вынести кровавые подробности в приложение, чтобы я мог пропустить его со спокойной душой.

– Я расскажу тебе всё-всё лично, – ласково пообещал Истрадез. – Я позабочусь о нашем племяннике за нас обоих, пока ты занят.

– Буду благодарен.

Истрадез вышел, и его неторопливая походка совсем не напоминала походку брата.

Через несколько минут после его ухода Зехуни попросили разрешения войти в кабинет Микодеза. Тот впустил помощника. Он всегда удивлялся тому, что они чуть ниже его ростом, как будто он всё ещё был кадетом, которого вызвали для незапланированной проверки. (Позд-

ний всплеск роста.) Зехуни завернулись в бордовую шерстяную шаль. Они были уже в почтенном возрасте и жаловались, что у Микодеза в комнатах слишком холодно.

На руках у Зехуни извивалась кошка: рыжая полосатая Цзеньци, которую, как и всех прочих кошек Зехуни, назвали в честь известного убийцы из фракции Шуос. Даже у такого любителя кошек, как Зехуни, вряд ли скоро закончились бы имена. При первой же возможности Цзеньци вывернулась из хозяйской хватки и вскочила на стол Микодеза.

– О, нет-нет, сюда нельзя, – сказал Микодез и, подхватив зверя, вернул на пол. Он не собирался терять свою зеленую луковицу из-за докучливой представительницы семейства кошачьих. – Итак, Зехуни, что такого срочного вынудило вас прервать мой досуг с семьей?

Обычно после общения с Истрадезом оба отправлялись повидаться с племянником.

Зехуни не улыбнулись в ответ на добродушный тон. Гекзарх тотчас же насторожился.

– Вам это не понравится, – сказали они. – Гекзарх Нирай Куджен пропал без вести.

Микодез не стал тратить время на изумление. Он повернулся к терминалу и сказал:

– Детали.

Зехуни передали ему код файла. Микодез его открыл. Содержание доклада оказалось даже хуже, чем он ожидал.

Теоретически гекзархатом совместно руководили шесть фракций. Три высокие: Рахал, которая управляла высоким календарем и устанавливала законы; Андан со своими финансистами, дипломатами и ремесленниками; и Шуос, которая специализировалась либо на информационных операциях, либо на предательстве, в зависимости от того, с какой стороны взглянуть. Три низкие: Кел, больше известная своими военными; Видона, которая занималась образованием и церемониальными пытками, которые были основополагающими для календарных поминальных ритуалов; и Нирай, которая состояла из техников и исследователей.

«Высокими» и «низкими» фракции именовались по старой памяти, это была скорее дань традиции, чем отражение реальной власти, которая колебалась в зависимости от ресурсов, внутренней борьбы и взаимодействия между гекзархами. Нирай выделялись тем, что их истинный гекзарх, Куджен, был бессмертным. Или, точнее, немертвым – ревенантом, который призывал себя к живой марионетке, чтобы постоянно контролировать её.

Публичным лицом фракции была фальшивый гекзарх Нирай Файан. Куджен выбрал её за сочетание административных способностей и специфической одаренности в календарной механике. Микодез всегда подозревал, что Куджен с самого начала знал: рано или поздно Файан начнёт плести собственные интриги.

Микодез также подозревал, что Куджен очень быстро догадался, когда Файан и гекзарх Рахал сговорились разработать альтернативное устройство, наделяющее бессмертием – менее опасное для рассудка его пользователей. Куджен называл собственное «черной колыбелью» и, казалось, был ею вполне доволен, но Куджен, ко всему прочему, был еще и психопатом. Большинство людей, знавших, как функционирует «черная колыбель», считали ее прославленным орудием пыток.

Куджен столетиями противостоял другим гекзархам. Он давно бы избавился от них, если бы не тот факт, что они выполняли утомительную правительственную работу, так что он мог сосредоточиться на исследованиях, которые были его страстью. Гекзархи, особенно Кел Тсоро, мирились с этим, потому что Куджен постоянно предлагал все более лучшие мот-двигатели для перевозки людей между звездами и все более смертоносное оружие для келских боемотов.

И вот Куджен исчез, не оставив следов. Этот человек имел обыкновение уединяться со своими проектами на годы, позволяя фальшивому гекзарху выполнять официальные обязанности вместо себя. Файан, очевидно, доводила себя до помрачения рассудка, пытаясь определить, что приключилось с Кудженом и не пора ли захватить власть по-настоящему, свергнув того, кто вручил ей фальшивые бразды правления. Микодез пожелал ей удачи. Он пока что был не в курсе, что да как, но не сомневался, что Куджен все предусмотрел и принял контр-

меры. Маловероятно, чтобы бессмертный гекзарх продержался девять веков в виде паразита, не овладев кое-какими базовыми навыками выживания.

Цзэньци надоело атаковать стол, и она принялась усеивать рыжей шерстью ковер Микодеза. Ну ладно, ковер был большей частью самоочищающимся, а что ему не удастся поглотить, приберут сервиторы. Вообще-то один из них уже подлетел и методично следовал за кошкой.

– Вы правильно поступили, сообщив мне об этом, – сказал Микодез Зехуни, – хотя я не уверен, что мы можем предпринять, помимо наблюдения за ситуацией. Что меня сильнее всего тревожит, так это момент. Он не может быть случайным.

– А разве хоть что-то бывает случайным? – сказали Зехуни. – Я могу лишь предположить, что Куджен настоял на новых, в особенности чрезмерных протоколах по изъятию генерала Джедао и его якоря, чтобы мы подумали, будто он намерен ошиваться поблизости, чтобы поглядеть на результат эксперимента.

– Ему, вероятно, крайне не понравилось, что Ируджа и Файан почти разработали собственный метод получения бессмертия, – сказал Микодез. Таковым собирались наделить всех гекзархов. Он планировал отказаться – хоть ему и нравилось болтать с Кудженом обо всем, от приобретения нужных Кел до распределения бюджета, он не был уверен, что бессмертие благотворно воздействует на чью бы то ни было психику, – но остальным не нужно было этого знать.

– Даже если он не взломал ваши файлы с планами на крайний случай, – сказали Зехуни, – он наверняка догадался, что это вы ответственны за попытку его убить, предпринятую по соглашению всех прочих.

– Ну, да, – сказал Микодез. – Оттого наши беседы становятся лишь более увлекательными. И всё же он ненавидит покидать свою станцию, а мне не нравится, что за ним невозможно наблюдать. Ируджа потребует, чтобы я притащил его обратно, хотя бы ради того, чтобы он не разродился каким-нибудь безумным новым супероружием, пока она не испробовала бессмертия. – Пусть Файан и заявляла, будто может победить старение, пуля, угодившая куда надо, всё равно оставалась смертоносной. Микодез давно перестал ждать от Ируджи разумного подхода к этой теме.

Он нахмурился, перечитывая донесение.

– Запланируйте совещание с соответствующими аналитиками через полчаса. Эта чертова история с финансовыми нарушениями подождет до завтрашнего утра.

– Мы надеялись, что вы это предусмотрели.

– С каких это пор мне удастся предусмотреть то, что не предвидели вы?

Зехуни бросили на Микодеза взгляд, хорошо знакомый по Академии: «Выключи дурочку, кадет».

Гекзарх поморщился.

– Буду разочарован, если окажется, что вы до сих пор не покопались в моих файлах с наихудшими сценариями. Вопрос в том, сообщит ли Файан новость другим гекзархам первой, или мне следует её опередить? Я почти хочу, чтобы это была бомба. Куджен, может быть, и великолепный творец оружия, но я почти уверен, что у него нет необходимого опыта для того, чтобы затевать внезапные атаки, не попадаясь.

– Нет, вы путаете его с другим, гораздо менее опасным социопатом из арсенала гекзархата, – сказали Зехуни с легким оттенком сарказма.

– Я вас умоляю... – ответил Микодез. – Кто, по-вашему, опаснее: математик, с которым связан весь наш образ жизни, или простой генерал, чей главный талант – склонность к самоуничтожению?

– Как будто «опасность» – это параметр, который можно измерить с помощью единственной оси, – парировали Зехуни, а потом наклонились за своим зверем. Кошка, безупречным образом предвидев это, нацелилась прыгнуть на стол, но промахнулась и неуклюже приземли-

лась на ближайший стул. Зехуни пришлось охотиться за Цзеньцзи по всему кабинету, пока не удалось загнать зверька в угол возле шкафа. (Вот уже который раз это оказывался один и тот же шкаф. Цзеньцзи была глупой даже по кошачьим меркам. Микодез как-то раз спросил у Зехуни, не намёк ли это на уровень интеллекта шуосских убийц – что было особенно интересным вопросом с учетом того, как они познакомились, – но в ответ получил лишь улыбку, которая ничего не проясняла.)

– По крайней мере, Джедао теперь нам не мешает, – сказал гекзарх. – Если и Куджен покинул сцену, может быть, у меня появится возможность убедить Командование Кел, чтобы они больше его не выпускали. И тогда вы сможете назвать того милого чёрного котёнка в его честь.

– Не бывать такому, – сказали Зехуни. – Суеверия иррациональны, но немного иррациональности вполне оправданно, когда дело касается этого человека.

Микодез ещё не знал, что в ближайшие дни у него будет масса возможностей поразмыслить над этими словами.

Глава пятая

Кируев могла придумать веские причины, по которым генерал Джедао не хотел загонять ее в угол после последнего совещания штаба, ни одна из которых не подразумевала доверия со стороны генерала. Одиннадцать дней прошло с тех пор, как Джедао забрал рой. Джедао посвятил это время совещаниям и обучению роя необычным формациям. В течение последних четырех дней – как тут не вспомнить о суеверии Кел, удачно-неудачной четверке – Джедао приглашал штабных офицеров поодиночке в свои апартаменты на встречи, которые длились в среднем час тридцать семь минут. Кируев вспомнились сказки о голодных лисах-призраках, которые любила рассказывать мать Аллу. И не могло быть совпадением, что Джедао приказал отключить композитные соединения. Кируев предположила, что он предпочитает не рисковать, оставляя Командованию Кел путь для атаки в виде канала, который он не мог контролировать, потому что в его теле не было композитной проводки. Генерал не могла винить Джедао за то, что он избегал операции, которая требовалась для её установки.

Так или иначе, штабные офицеры от этих встреч не пострадали. Майор Арвикой, выглядевший ужасно молодым даже по меркам общества, где большинство людей предпочитали оставаться молодыми, появился с обескураживающе довольным выражением лица. Улыбка подполковника Риозу была откровенно хищной. А полковник Стсан, начальница штаба, теперь изображала вежливую невозмутимость. Она почти наверняка знала, что за покушением стояла Кируев.

Кируев никому не могла доверять, она сама помогла избавиться от единственного из Кел, кто противостоял Джедао. Она каждый день об этом вспоминала.

– Вот мы и пришли, – сказал Джедао, когда они подошли к его каюте, как будто ничего особенного не происходило. Внутри их ждали два сервитора – гладкий металл и мигающие огоньки, птицеформа и паукоформа. Если бы Кируев не знала их лучше, она бы сказала, что они выглядят застенчиво. – Не возражаете сыграть в джен-цзай с парой сервиторов, генерал?

– С чего бы мне возражать, сэр, – сказала Кируев. Она не знала, что сервиторы интересуются карточными играми, но разве кого-то вообще интересовало, чем они занимаются в свободное время?

Взгляд Кируев упал на картину, висевшую над столом. На самом деле её трудно было не заметить. Джедао взглянул на ее лицо и расхохотался.

– Хорошо, генерал. Выскажите свое мнение.

Ну, раз уж её попросили об искренности...

– Выглядит так, словно осколочная граната взорвалась внутри радуги.

– Мне нравятся цвета, – признался Джедао, и тихая тоска в его голосе заставила Кируев вздрогнуть. – Их так много. Но я больше не буду мучить вас этим. – Он махнул рукой, и изображение исчезло. – Как бы то ни было, сервиторы непреклонно стоят на том, чтобы я не давал им денег на настоящие ставки, и это хорошо, потому что я на мели. – Он вдруг улыбнулся. – Представьте себе, как отреагирует Командование Кел, если я попрошу выдать мне жалованье за всё минувшее время.

Кируев заняла указанное место напротив Джедао. Сервиторы дружелюбно помогали ей желто-оранжевыми лампочками. Она кивнула каждому по очереди, чувствуя себя странно, но, с другой стороны, почему бы и нет?

Паукоформа раздала жетоны.

– Стандартные правила, сэр? – спросила Кируев. Она знала, что лучше не спрашивать, почему они тратят время на карточную игру. Джедао наверняка должен был преподавать какой-нибудь замысловатый урок в стиле Шуос. Кируев иногда думала, что отношения Кел – Шуос

могли бы измениться к лучшему, если бы кто-нибудь усадил всех Шуос и научил их делать презентации с простыми текстами на слайдах, как это принято у нормальных людей.

– Стандартные меня вполне устраивают, – сказал Джедао и посмотрел на сервиторов. – Вы двое знаете правила?

Они ответили приглушенными звуками в знак согласия.

– Могу я спросить, сэр... почему сервиторы?

(Много позже ей пришлось в голову задуматься о том, какую выгоду из всего этого извлекли разумные машины.)

Джедао моргнул.

– А почему бы и нет? Когда я был жив, у нас не было машинных разумов. Я спросил, нет ли у них неотложных дел в другом месте, и они ответили, что нет.

Сервиторы, может, и не были людьми, но за столетия среди Кел приучились различать командиров – или что-то вроде – не хуже кого бы то ни было. Они оказались воспитанными противниками при игре в джен-цзай. Паукоформа не пыталась блефовать. А вот птицеформа, хоть Кируев и не была в этом уверена, использовала псевдослучайный генератор, поднимая ставки. Что касается Джедао...

Кируев покачала головой, когда Джедао перевернул последнюю карту и показал четверку роз. Хорошо еще, что они играли жетонами.

– Сэр, – проговорила она, – ваши шансы вытянуть внутреннее «Великолепие цветов» три раза подряд, они...

– ...да-да, настолько крошечные, что такое число нельзя записать иголкой, – подхватил Джедао, откидываясь на спинку стула с кривой улыбкой.

Птицеформа тихо пискнула. Паукоформа втянула конечности в тело.

– Рад, что кто-то, наконец, сказал мне это в лицо, – продолжил Джедао. – Я уже начал задаваться вопросом, что же, черт возьми, надо сделать с отдельно взятым Кел, чтобы пробиться сквозь его панцирь. Так или иначе, негоже мухлевать, когда в игре нет подлинных денег. Хотя кое-кого из моих сокурсников это не останавливало. Приношу вам свои извинения.

– Нет необходимости, сэр.

– Ну конечно есть.

– Тогда зачем вы это сделали?

– Затем, – сказал Джедао, собирая карты и выравнивая их в ладони, – что мы сражаемся не с другими Кел. Мы сражаемся с врагом, который заинтересован в келских правилах ведения боя исключительно в том плане, что они позволяют ему вязать из нас узлы. И поэтому противник будет мухлевать. А значит, мы должны мухлевать лучше.

Он отложил колоду и продолжил:

– У меня есть личный интерес, о котором вы, возможно, не знаете. Это было давно, и ни у кого нет причин помнить о случившемся, но мой родной мир был завоеван Хафн ещё в незапамятные времена и вследствие этого вышел из-под контроля гептархата.

– Кажется, я об этом не слышала, – сказала Кируев.

– Как я уже сказал, вы и не должны были. – Голос Джедао звучал ровно, однако Кируев в это не поверила. – В любом случае, если хроники не лгут по поводу вашей победы у Ивового Прута, нет нужды рассказывать вам о ценности нетрадиционных методов ведения войны.

– Вы, конечно, не пропустили ту часть, где за свои действия я получила строгий выговор, – заметила Кируев. Ей на четыре года вдвое уменьшили жалованье и едва не понизили в звании.

– Вы победили.

– Мои методы не очень-то соответствовали Доктрине. Командование Кел имело полное право...

Джедао коротко рассмеялся.

– Командование Кел скорее повесит медали на трупы, чем на тех, кто выжил, совершив благоразумный поступок. И все же я псих, мне ли об этом судить?

– Нет смысла спасать граждан гекзархата, если они вот-вот падут жертвой ереси, – осторожно сказала Кируев.

– Где в Доктрине говорится, что неправильно учить людей организованно сопротивляться бунтовщикам, вместо того чтобы ждать, пока люди в красивой форме появятся и выполнят всю тяжелую работу?

– Изоляция Ивового Прута сделала этот случай необычным, сэр. Если бы был другой способ...

– Как говорили в Академии Шуос, «гипотетическими построениями сыт не будешь». Из наших уст такое слышать очень смешно – впрочем, забудьте. – Джедао хлопнул ладонью по столу, и стопка карт развалилась. Он встал. – Я покопался в мот-сети, расспросил ваших глав подразделений, связался с командерами других мотов и довёл их до ручки, а теперь я задаю тот же вопрос вам. Где, черт подери, наши разведданные по Хафн?

– Сэр... – проговорила Кируев, собираясь с духом, – мы говорим вам очень мало, потому что знаем очень мало.

– Это на удивление не смешно.

– Но такова правда. – Она хотела бы вручить Джедао какое-нибудь досье, хотя бы ради того, чтобы он сосредоточил внимание на подлинном противнике. – Все, что у нас есть – обрывки старых историй... – Она вспомнила о том, что ей совсем недавно поведал немертвый генерал о своем родном мире, но Джедао лишь плечами пожал. – А ещё – несколько наблюдений, которыми Андан соизволили поделиться после культурного обмена, который состоялся несколько лет назад. Если читать между строк, Андан и сами в замешательстве.

– Я видел эти увлекательные трактаты о почитании аграрного образа жизни, не говоря уже о пастушеской поэзии Хафн. Чертовски необычно для расы покорителей космоса, не говоря уже о том, что их описания доильных аппаратов причудливы – кто пишет стихи о доильных машинах?! – но я согласен, что Андан не помогут. Жаль, потому что именно у них есть специалисты по контактам, и если они застряли, мы вряд ли добьемся большего.

Кируев попыталась вспомнить, читала ли она что-нибудь о доильных аппаратах.

Ее вопрос, должно быть, отразился на лице, потому что Джедао сказал пренебрежительно:

– Эти описания не могут относиться ни к чему другому. Мама научила меня доить коров по старинке, хотя в исследовательском центре для этого имелись отличные машины. Вы удивитесь, сколько в моей биографии нелепых сносок.

«Это не самая странная вещь, которую я когда-либо слышала», – сказала себе Кируев, но не с полной уверенностью.

Джедао улыбался ей.

– Когда-нибудь я расскажу вам больше о своей матери. Она была немного эксцентрична. Ей нравилось смотреть те драмы, где гигантские существа с щупальцами вторгаются из пространственных врат, и единственные выжившие – это крепкие деревенские ребята с большими пушками и верными, изумительными животными с фермы. Я надеюсь, Хафн не похожи на мою мать. Это было бы неприятно.

Жаль, что сервиторы не прилагали усилий, чтобы направить разговор в другое русло...

– Сэр, – сказала Кируев, – если вы думаете, что кто-то из нас скрывает от вас жизненно важную информацию, то можете расстрелять нас всех. Мы рассказали вам все, что знаем.

– Забудьте уже про эту келскую привычку выдвигать самоубийство в качестве довода в споре, – проговорил Джедао, но при этом он на неё не смотрел. – Хафн в строгом смысле слова – люди, так что мне хотелось бы верить, что я понимаю кое-какие из их основных мотивов, но понятие «человек» охватывает слишком многое. Но что мне точно известно, так это

то, что их атака на Крепость Рассыпанных Игл почти увенчалась успехом. Надо их взорвать до того, как они совершат следующий ужасный поступок, но для этого нам нужно больше информации. То есть мы должны заставить их поговорить с нами.

– Крещендо-2, – ровным голосом произнесла Кируев. – Крещендо-3. Найфер.

За свою карьеру Кируев повидала немало войн. Ни для кого не было секретом, что гекзархат был постоянно в одном шаге от того, чтобы разлететься на куски при новом восстании. Однако даже оружие еретиков, как правило, становилось предметом внятной классификации. Благодаря регламентам Рахал и работе Видона ереси редко имели возможность метастазировать в истинно дегенеративные формы.

У Хафн было целое общество, основанное на чуждом календаре, и их миры тоже должны были оказаться чуждыми. Андан говорили о делегатах, которых очень заботил этикет, но делегаты были аристократами, и кто знает, как выглядела остальная культура.

Когда Кируев впервые увидела запись атаки на Крещендо-3, она подумала, что ее сочинил драматург. Многочисленные башни из хрусталя, огромные зубчатые шпили и спиральные лестницы, удерживаемые только сверкающей паутиной. Колоссальные поющие бури и дожди, оставлявшие обугленные следы на скалах. Красно-синие деревья, которые вырастали, а потом рушились и начинали ползть, как бешеные. Аналитики пришли к выводу, что древовидные существа с уродливыми многокамерными сердцами когда-то были людьми. Напрашивался вопрос: похожи ли простолюдины Хафн на людей в том виде, в каком те существовали в гекзархате? Ведь даже Шуос и Андан, увлеченные моделированием тел, признавали определенные границы.

– Да, я посмотрел все, что смог вытащить из мот-сети, – сказал Джедао.

– Раса, которая атакует первой, не делая никаких попыток общаться, вряд ли будет заинтересована в переговорах.

Джедао расхаживал по комнате. Его походка казалась странным образом слегка неравномерной, как будто он не привык к длине своих ног. Вполне возможно, учитывая обстоятельства.

– Тут я согласен. Но оружие говорит. Моты разговаривают. Всему есть что сказать, если знаешь, как...

– Командный центр вызывает генерала Джедао, – раздался голос из терминала. – Контакт с Хафн. Командер Джанайя просит вашего присутствия.

– Мы с генералом Кируев уже в пути, – ответил Джедао и продолжил, обращаясь к серверам: – Вы двое – спасибо, что потакаете мне. Увидимся в другой раз, если мы все выживем, да?

Наверное, приятно не отвечать на такие шутки. Кируев вышла вслед за Джедао. Сервиторы почтительно моргнули, а затем начали убирать рассыпавшиеся карты.

Пепломот перестроил свои коридоры так, чтобы их путь к командному центру был коротким и прямым. Кируев не нравилось сопутствующее головокружение. Ей вечно снились полы, которые должны были вот-вот разверзнуться, обнажив зубья нетерпеливых шестерней, но Джедао не показывал никаких признаков дискомфорта.

Командер Джанайя отсалютовала им от имени всех, кто был в командном центре.

– Какие-то дозорные Хафн, сэр. Разведмот-7 приблизился к ним на максимальную дистанцию для сканирования. Форманты не опознаются. Трудно сказать, заметили ли они нас.

– Все моты – в режим боевой готовности, – сказал Джедао. Все терминалы загорелись красным. Он сел в командирское кресло и стал изучать показания сканера, пока ремни безопасности выползли из пазов. Кируев заняла свое место справа от генерала, чувствуя себя лишней.

– О, не смотрите так, – пробормотал Джедао. – Я намерен использовать вас по полной программе.

Насколько он серьезен?

– Если вам нужна информация от Хафн, – сказала Кируев, – сейчас самое время. Для них не секрет, что к ним приближается вражеский рой. Предположим, они засекли нас – так давайте проверим их возможности.

– Согласен, – с улыбкой ответил Джедао. – Связь, соедините меня с командером Кавинте.

Это была командующая «Опаленным часом», ведущим знаменом тактической группы номер пять.

– Должна предупредить, она из спорщиков, сэр, – заметила Кируев.

– Да, я видел это в ее досье.

– «Опаленный час» отвечает, сэр, – ответил дежурный по связи и переадресовал вызов на терминал Джедао.

С первого взгляда казалось, что у командера Кавинте чересчур милое личико, полное симметрии и изящества, но её глаза всё меняли. В них был отблеск небрежной жестокости, которая теперь внезапно напомнила Кируев о Джедао.

– Генерал, – сказала Кавинте.

– Мы понятия не имеем, сколько там Хафн, потому что их мот-двигатели портят показания приборов, – сказал Джедао с веселой прямоотой, – и, если уж на то пошло, диапазон их сканирования нам тоже неизвестен. Хотите помочь мне разобраться?

– Сэр, – резко сказала Кавинте, – вы наш генерал. Вы не должны ставить это на голосование. Просто отдайте приказ до того, как Хафн заметят, что мы медлим, и позовут друзей.

– О, я никогда ничего не ставлю на голосование, – сказал Джедао, – но ваш мозг – это ресурс, и я намерен использовать его соответствующим образом. Хотите продемонстрировать, насколько хорошо у Пятой тактической обстоят дела с Вторичным лексиконом?

Первичный лексикон включал формации, которые Кел отрабатывали во время учений и использовали в бою. Вторичный в основном содержал формации, которые представляли историческую ценность или использовались для пущей красочности во время парадов и празднований. Кавинте проявляла неизменный интерес к странным формациям. Наверное, предположила Кируев, Джедао потому её и выделил.

– Мы Кел, сэр, – сказала Кавинте. – Мы исполним все, что придет вам в голову. – В её словах слышался даже не намек на вызов.

– Рад слышать. – Джедао исправил какие-то цифры на дополнительном тактическом дисплее, поразмыслил над ними, потом снова перевел взгляд на командера. – Пятой тактической группе принять формацию «Ласточка атакует терновник». Как только займете позиции, приближайтесь к длинной оси разведывательного «веретена» точно в лоб, пока не окажетесь в предельном диапазоне сканирования. Разведмоту-7 приказываю отступить к... – Он назвал координаты. – Остальным тактическим группам принять большую формацию «Ястреб-рассекатель» с передним центральным нулем и командным мотом в качестве главной опорной точки. Командеры мотов, подтвердите.

Терминал озарился уведомлениями, которые выстроились аккуратными янтарными колонками в соответствии с тактическими группами и эскадрильями разведмотов. У командера Джанайи вспыхнули глаза. Она повернулась к своему старпому и начала отдавать приказы.

Кируев хотела бы чувствовать тот же оптимизм. Она была уверена, что «Ласточка атакует терновник» – проверка для Хафн. Это была броская парадная формация из Вторичного лексикона, но тот, кто не видел расположение задних элементов, мог перепутать её с «Волноломом» из Первичного лексикона.

Пятая тактическая отработала, что достигла предельной дальности сканирования, и с формантами мотов Хафн ничего не прояснилось, но противник, похоже, не реагировал.

Джедао произвел на терминале какой-то расчет.

– Генерал Джедао вызывает Пятую тактическую. Я хочу, чтобы вы сохраняли формацию и продвигались на 19 процентов мощности дополнительных двигателей. Сообщите мне, в какой момент получите реакцию, а также передайте, на каком расстоянии от их ведущих элементов это случится. – Обратившись к Кируев, он прибавил: – Странно, что они просто сохраняют дистанцию. Разве они не видят Пятую тактическую? Или это ловушка?

Кируев задумалась о другом. Ей было хорошо видно, каким расчетом был занят Джедао. Одна из систем конгруэнтности по модулю, которую Джедао попросил сеть решить за него, была тем, что любой первокурсник должен решать в уме, методом подбора. Неужели генерал... но спрашивать было некогда. Кируев отвела взгляд и сказала себе, что ее беспокойство беспочвенно, однако она была искренне удивлена, что Джедао слаб в абстрактной алгебре.

– Коммандер Джанайя, – говорил Джедао, – я отправил вам несколько путевых точек. Наступайте, но держите Пятую тактическую в пределах восемнадцати минут от роя при текущем ускорении, постоянно.

– Сэр, – сказала Джанайя и отдала необходимые приказания штурману.

– Сообщение от коммандера Кавинте, – доложил дежурный по связи.

– Включайте, – сказал Джедао.

– Генерал, – сказала Кавинте, – мы получили отклик, когда наш ведущий элемент миновал сорок девятый айян Хафн. – Она преобразовала расстояние согласно системе мер гекзархата. Параллельно с сообщением пришел пакет данных с более подробной информацией. – Пока никто нас не атакует, но взгляните на это...

Данные сканирования с близкого расстояния показывали позиции дозорных Хафн относительно друг друга – они рассеялись в виде изогнутой «тарелки», и ось продвижения Пятой тактической была направлена точно в её центр. Кируев не была специалистом по сканированию, но она увидела, что форманты определены точнее и позволяют лучше установить, где находится каждый дозорный. Не менее интересным было то, что Пятая тактическая перехватила сигналы нескольких дозорных. Простейшая триангуляция позволила установить область космоса, куда эти сигналы были направлены.

– Передайте это Разведке, – сказал Джедао, – хотя быстрых результатов я не жду. Коммандер Кавинте, у меня для вас ещё одна формация. Попробуйте «Каждое зеркало – льстец» и приближайтесь к фокусной точке «тарелки».

– Сэр, – сказала Кируев, – это позволит кораблям Хафн открыть огонь по Пятой тактической. Если у них настоящие орудия... – Насколько она помнила, у подразделений врага имелось приличное инвариантное вооружение. – Дело может обернуться плохо.

– Понимаю ваше беспокойство, – сказал Джедао. – Но дело вот в чем. Вы заметили, как они двигаются? – Он заново воспроизвел часть трансляции Кавинте. – Я не думаю, что эти дозорные – люди. Мне кажется, это гуси.

Когда Джедао вновь обратил все внимание на показания сканеров, Кируев заметила, как на него посмотрела Джанайя. «Он рехнулся?» – беззвучно спросила коммандер. Кируев только плечами пожала.

– У вас есть приказ, коммандер Кавинте, – сказал Джедао. – Если я прав, гуси ослабят бдительность, когда увидят конфигурацию. У вас будет достаточно возможностей их изрешетить. Я не меньше других этого хочу, но захватите несколько нетронутыми, если сможете. Пусть нашим инженерам будет что разбирать.

– Принято, сэр, – сказала Кавинте тоном сурового смирения.

Джедао склонил голову набок, глядя на Кируев.

– Вы уверены, что я чокнулся.

Или избавился от раздражающего коммандера, но Кируев не могла выразить этого вслух.

– Если это не ловушка, то я не знаю, что, – сказала она. – Хотя не исключено, что их сканирование имеет небольшую дальность, потому что они действуют во враждебной кален-

дарной местности. – Все оружие Хафн стреляло с близкого расстояния в предыдущих боях, но они уже обсуждали это раньше, и ей не нужно было напоминать об этом Джедао. – Возможно, они пытаются обмануть нас относительно своих возможностей. – Она следила за передвижениями Пятой тактической на субдисплее. – Тот, у кого есть хоть две извилины, не попадет на «Всякое зеркало».

Формация «Всякое зеркало – лстец» была генератором иллюзий, специально воздействующим на форманты сканирования роя, а не напрямую изменяющим визуальное восприятие, и по этой причине она не годилась для впечатления гражданских лиц. В бою Кел её не задействовали, потому что иллюзия становилась видимой только с такого короткого расстояния, что любой враг с более или менее приличными сканерами уже заметил бы их первым. На этом этапе никто не мог принять Пятую тактическую за Хафн.

– Я не говорил, что дозорные тупые, – заметил Джедао. – Я сказал, что они гуси. А гуси, чтоб вы знали, отличные охранники. О, не смотрите на меня так. Вам явно никогда не приходилось отбиваться от обиженного гуся палкой. – Он наклонился вперед. – Ну вот, последняя опорная точка встала на место.

Дозорные Хафн, столкнувшись – с их точки зрения – с ещё одним разведывательным отрядом, начали перестраиваться, образуя большую... стаю, поняла Кируев. Она теперь не могла думать об этом построении иначе.

– Это не имеет смысла, сэр, – сказала Джанайя. – Зачем использовать довольно глупых дронов для системы предварительного оповещения?

Пятая тактическая не упустила свой шанс, оказавшись в выгодной ситуации. Субдисплеи внезапно заполнились сообщениями об открытии огня. Было трудно сказать, сумеет ли командер удовлетворить просьбу Джедао о пленниках посреди хаоса из адского пламени и кинетической энергии.

– Андан не упоминали, что у Хафн есть сервиторы, – заметила Кируев. – Только зачатки машинного разума. Может, Хафн в этой области технологии отстают.

– Если они сумели проникнуть в Крепость Рассыпанных Игл, – сказал Джедао, – то выкрасть кое-какую инвариантную технологию было бы нетрудно. – Он язвительно скривился. – Насколько нам известно, здесь действуют какие-то особые культурные предрассудки.

Коммандер Кавинте время от времени присылала лаконичные донесения. Во взгляде Джанайи явственно читалась тоска: ей не дали поучаствовать в сражении. У её старшего помощника лицо было непроницаемое, но Мурис всегда выглядел таким. На его деловитость можно было рассчитывать в любом деле. Операция настолько ошеломила дозорных, что Кируев показалось, будто за её плечом вот-вот материализуется нечто с длинными и острыми зубами и обеспечит космическую справедливость.

В конце концов Кавинте сообщила:

– Сэр, большинство дозорных взорвали себя, чтобы не попасть в плен. Мы вышлем вам наши отчеты, когда получим более подробные результаты анализа. Но в суматохе разведмотам удалось поймать одного из них, прежде чем противник сообразил, что происходит.

– Хорошая работа, – похвалил Джедао. – Мои поздравления вашим подчинённым. Взломайте эту штуку, но примите все меры предосторожности. Кто его знает, вдруг внутри смертоносные споры или призраки.

Кавинте хохотнула:

– Тем веселей для нас.

– Отзовите Пятую тактическую и заполните наш нуль, раз уж вы всё равно заняты делом. Просто на тот случай, если главный рой Хафн быстрее или ближе, чем мы предполагаем.

– Разумеется, сэр.

До следующего сообщения оставалось три часа двенадцать минут.

– Генерал Джедао, – сказал офицер-связист, – сообщение от командера Кавинте. Конфиденциальное.

– Это нехорошо, – проговорил Джедао, хотя его тон был скорее раздраженным, чем обеспокоенным. – Я выслушаю его в своей каюте. Генерал Кируев, дайте знать, если случится что-нибудь интересное.

– Сэр, – сказала Кируев.

Ровно через час Джедао связался с ней в командном центре.

– Зайдите ко мне, – сказал он.

И всё.

– Надеюсь, там не смертоносные споры, – заметила Джанайя.

– Не думаю, что кто-то смог бы удержать смертоносные споры в секрете от всего роя, – ответила Кируев. – Я лучше взгляну, в чем проблема.

– Лучше вы, чем я, – поддакнула Джанайя. Они тихонько рассмеялись. У Муриса сделался слегка неодобрительный вид.

Дверь в покои Джедао открылась при приближении Кируев. Немертвый генерал стоял, заложив руки за спину, и смотрел на что-то под таким углом, что Кируев не могла разглядеть детали. Она отдала честь и стала ждать.

– Вольно, – сказал Джедао. – Знаете, я всегда терпеть не мог, когда командиры приказывали мне быть откровенным. Но, черт возьми, я попрошу вас об откровенности.

Я провел большую часть необыкновенно долгой жизни, творя с людьми ужасные вещи. Убийства. пытки. Измена. Бойни. В виде короткого списка звучит не так уж впечатляюще, но люди-то были настоящие. Я... я приносил подлинный вред. Таков длинный способ объяснить тот факт, что моя личная система оценки ужасного не откалибрована должным образом. Мне нужно, чтобы вы сказали, насколько плохо то, что я вам сейчас покажу.

Кируев призадумалась, а потом решила, что от честности хуже не будет.

– Сэр, – сказала она. – Я старший офицер. Я достигла своего теперешнего положения, делая многое из того, что делали вы.

– Просто окажите мне любезность, генерал. Хочется верить, что в этом проклятом рое есть люди лучше меня.

– Тогда показывайте, что у вас там.

Джедао жестом велел Кируев подойти и встать рядом с ним. Видео снял кто-то из инженерной группы «Опаленного часа». Джедао перемотал часть с мерами предосторожности и остановился там, где группа взломала «гроб». Лучшего определения для предмета их исследований не было. На крышке «гроба» блестела золотая пластинка. На ней было что-то написано: Кируев знала, как выглядит архаичное письмо Хафн, но не могла его читать. По краю шел замысловатый узор из незнакомых цветов, плодов и перьев, сплетающихся в узлы. Чем пристальней она смотрела, тем отчетливей видела, что в узоре попадаются резвящиеся насекомые, и все в целом подозрительно похоже на «колыбель для кошки».

Техники в скафандрах придумали, как снять крышку с «гроба». Из-под неё вырвался сине-фиолетовый пар. Кто-то прикрепил заметку: они всё ещё изучали газ, но предварительные результаты показали, что он не токсичен. Кируев потребовалось много времени, чтобы понять, что именно она увидела в «гробу». Джедао хранил молчание.

Первое, что бросилось в глаза Кируев, – это тщательность, с которой были разложены... компоненты? Она не могла подобрать слово получше. Красивые птицы неизвестной ей породы, с длинными шеями и аккуратно расправленными изогнутыми хохолками. Цветы, чьи лепестки двигались, как будто в такт дыханию. Нити из золота и хрусталя, сшивающие воедино плоть и растения и в конечном счете исчезающие в покрытых микросхемами стенках «гроба».

Внутри лежал мальчик или совсем юный парнишка. Во множестве мест его тело было бледным и прозрачным. Из таких участков вырастала сложная система циркуляции, соединя-

ющая его с птицами, цветами и нитями. Вены тоже были прозрачные, и по ним ползла бесконечная вереница красных паучков.

В одной руке он сжимал выцветший фиолетовый шнур, завязанный петлей. Он был как раз подходящей длины для «колыбели для кошки» и оказался единственным предметом из содержимого «гроба», который не выглядел противоестественным.

Джедао приостановил воспроизведение.

– Они вызвали медиков, – сказал он почти нормальным голосом, – но у мальчика – у всей этой конструкции, как её ни назови – остановилось сердце или что-то в этом роде. Они засунули его в наскоро переоборудованную спальную капсулу, но я не думаю, что есть хоть какая-то надежда.

Кируев смутно предполагала, что Джедао был одним из тех людей, которые не любят детей, поскольку никогда не слышала упоминания о том, что у Джедао были дети. Проблеск страдания в глазах ревенанта заставил ее передумать.

Джедао смотрел вдаль.

– Скажите мне, генерал, с чем, черт возьми, мы сражаемся? Что такого плохого в календаре Хафн, что это их лучший способ создавать разведчиков в больших количествах?

– Если Хафн такие же, как мы, – сказала Кируев, – то они прикованы к своему существующему календарю ради экзотических технологий, от которых не могут отказаться, и это значит, что в других областях они вынуждены творить чертовски ужасные вещи.

– Скажите мне, что не знали об этом.

– Я не знала об этом, – подтвердила Кируев. – Видимо, это какое-то новое изобретение, благодаря которому вторжение стало возможным – или старое, которое они придерживали в качестве козыря. Но это ничего бы не изменило. Мы Кел. Мы сражаемся там, где нам говорят. Я так понимаю, вы и раньше собирались сражаться с Хафн.

Джедао выключил видео.

– Кируев...

От того, что он внезапно обратился по имени, она насторожилась.

– ...если я когда-нибудь решу, что так поступать с людьми – нормально, пристрелите меня. Мне все равно, насколько разумно это звучит. Как известно, мне случалось вести разумные речи, и мы все знаем, к чему это привело.

Удивительно: Джедао говорил искренне.

– Надеюсь, мальчик умер быстро, сэр, – сказала Кируев.

– Мне бы хотелось однажды очутиться в мире, где люди могут стремиться к чему-то лучшему, чем гроб, в котором тебя сшивают с птицами, чтобы потом ты быстро умер.

– Если вы хотите за это сражаться, рой ваш.

– Я бы сказал, что постараюсь не злоупотреблять этой привилегией, – сказал Джедао, – но мы эту станцию уже миновали.

После этого Кируев осталась с ним и всё время задавалась одним и тем же вопросом: в какой момент она начала видеть в Джедао человека, а не ходячий смертный приговор?..

Глава шестая

Двадцать два дня спустя, после третьей стаи дозорных Хафн, все поняли, что они не просто «гуси», как упорно называл их Джедао. Они были пушечным мясом. Хафн рассредоточили их стратегическим образом в районе, окружающем Крепость Вертящихся Монет, нарочно преграждая подход в тех местах, где градиент топографии высокого календаря был сильнее всего. Цифры были ошеломляющие. Джедао приказал добыть ещё «гусей». Удалось захватить новые «гробы» с разным содержимым. В каждой разновидности дети имели особенных симбионтов – от лоз до мхов, от скорпионов до палевых саламандр. Никто не знал, что символизируют эти вариации.

Самым тревожным, помимо содержимого «гробов», был вопрос логистики. Инженеры бились головами о переборки, не понимая, в чем суть двигательных установок. Насколько можно было судить, у дозорных были только инвариантные двигатели, пригодные исключительно для внутрисистемного маневрирования. Значит, их запустили с какого-то транспортного судна. Но по данным Кел выходило, что рой Хафн не в силах вместить столько «гусей» – и кто знает, сколько ещё в резерве, – если только противник не разработал собственную переменную компоновку на порядок выше той, которую использовал гекзархат.

Кируев рекомендовала не трогать большинство стай.

– Командование Кел захотело бы расчистить эту территорию, – сказала она Джедао, пока они просматривали последние данные разведмотов, переданные командным центром, – но вы находитесь в завидном положении: можете наплевать на то, чего хочет Командование Кел.

– Ну, это неправда, – ответил Джедао, – поскольку Командование Кел, что логично, хочет насадить мою голову на кол. Впрочем, да. Как бы вы хотели навалить нашему врагу, генерал?

Было лишь несколько причин, по которым человек, всегда побеждавший в битвах, мог просить Кируев о помощи. Принимая во внимание тот факт, что Джедао был из фракции Шуос, Кируев догадалась, о чем речь. В конце концов, она и так уже превратилась в фигуру на игровой доске, где ставки можно было разглядеть лишь смутно, сквозь трещины и завесу порохового дыма.

– Отделите одну тактическую группу, – сказала она. – Вторую, которой руководит командер Герион со «Славного бича шторма». – Герион хорошо действовал в автономных миссиях, и кивок Джедао означал, что он одобряет этот выбор. – Отправьте его пострелять по «гусям»... – Она наметила цели: пост прослушивания, исследовательский центр Нирай, станция со значительным присутствием Андан. – Пока что складывается впечатление, что Хафн избегают атаковать планеты, но мы не знаем, когда это изменится.

Впрочем, вблизи от узловых крепости и не было планетных систем, которые они могли бы использовать в качестве приманок.

Джедао передал приказ командеру Гериону, ничего в нем не изменив. Кируев понимала, что командеру Джанайе не понравится такое развитие событий, но у неё не было повода для возражений, а в таких вопросах она была образцовым Кел. Герион, со своей стороны, разрывался между желанием поскорее начать действовать и убежденностью в том, что Джедао посылает его на смерть. Но он немедленно подтвердил получение приказа.

– Шесть оставшихся тактических групп – в большие формации, для максимальной гибкости, не так ли? – спросил Джедао. – Что ещё вы хотите предложить?

Кируев опять почувствовала себя кадетом, что приводило в замешательство в возрасте семидесяти двух лет, и пришлось напомнить самой себе, что в какой-то момент немертвый генерал и сам был всего лишь первокурсником.

– Возле крепости участки с наибольшей концентрацией дозорных распределены неудобным образом для некоторых крупных формаций, – сказала Кируев. – В особенности для тех,

которые вызывают эффекты, затрагивающие большое пространство. Но в случае необходимости будет нетрудно избавиться от стай.

– Если вы это рекомендуете...

– Что я рекомендую, сэр, так это принять формацию «Речная змея». – Джанайя бросила на Кируев раздраженный взгляд. Та его проигнорировала. «Речная змея» обладала незначительными боевыми эффектами, и командиры мотов, естественно, её ненавидели. Но в подобных ситуациях она лучше всего подходила для того, чтобы добраться из пункта А в пункт Б внушающей уважение колонной.

– «Речная змея» – что ж, так тому и быть. – Джедао отдал те самые приказы, которые предложила Кируев, глядя на карту. – Мне наплевать, какие у Хафн, если позволите так выразиться, производственные мощности. Запас «гусей» не может быть бесконечным – иначе, каким бы ни был метод транспортировки, мы бы в них уже увязли по самую шею.

Кируев сомневалась в надежности интуиции, когда дело касалось людей настолько чуждых, что они делали разведчиков из композитов ребенок – птица – насекомое – цветок. Наверное, эта мысль отразилась на её лице. Джедао поднял бровь, но ничего не сказал.

Долгие часы их кружного пути к крепости текли как вода. Джедао время от времени интересовался мнением Кируев и тотчас же превращал её ответы в приказы. Кел в командном центре заметили, что происходит. Они украдкой поглядывали на Кируев с той же приглушенной тревогой, которую раньше берегли для немертвого генерала. Даже если они не догадались об истинной подоплеке покушения, им было понятно, что Кируев никого не сумеет защитить от предателя.

Хафн собирались сражаться с Кируев – значит, они будут сражаться с Кируев. Вплоть до того момента, когда Джедао вмешается. Было бы глупо надеяться, что разведка Хафн некомпетентна.

Когда Джедао не требовалось её присутствие, Кируев заполняла досуг, перебирая свои коробки с приборами. Удивительное дело, но Джедао не приказал их испарить. С другой стороны, Кируев теперь только и думала, что о том, стоит ли сортировать шестерни по радиусу или по количеству зубцов, вместо того, чтобы сооружать нового дрона-убийцу – так что, возможно, немертвый генерал всё хорошо продумал.

Когда Кируев, забросив сортировку, принялась читать бессвязные мемуары какой-то куртизанки, передовые разведчики засекли главный рой Хафн. Эскапады героини вылетели у неё из головы на пути в командный центр. Повсюду были красные огни, приглушенные голоса. Джедао уже сидел в командирском кресле – с видом безупречного самообладания и дьявольской расслабленности.

Заняв свое место рядом с немертвым генералом, Кируев увидела, что они достигнут боевой зоны примерно через четыре часа, если все моты продолжат двигаться по намеченным ранее траекториям, что было маловероятно.

– Ну ладно, генерал, – очень четко произнес Джедао. – Считайте, что меня здесь нет. Разберитесь с Хафн.

Кируев вздрогнула, но приказ есть приказ.

– Связь, – сказала она. – Сообщение для коменданта Мазерет из Крепости Вертящихся Монет. Проинформируйте её, что мы собираемся заняться роем Хафн и что она, возможно, увидит фейерверк. – Она колебалась относительно того, стоит ли вдаваться в подробности, но решила, что этого хватит. Лучше не рисковать нарушить планы Джедао. И все-таки нет причин не воспользоваться преимуществами обороны Крепости, если они сумеют вынудить Хафн подойти на расстояние выстрела во время сражения.

– Крепость подтверждает, – сказал офицер-связист через некоторое время. И прибавил: – Коммандер Герион сообщает, что Вторая тактическая приняла формацию, экранирующую сканеры противника, и направляется к месту встречи, как приказано.

Конечно, никто не был уверен, что системы сканирования Хафн работают так же, как системы гекзархата, но предосторожность не повредит. Кируев отрегулировала масштаб на тактическом дисплее, а потом покрутила его, обдумывая доступную геометрию. Джедао наблюдал со спокойным лицом.

– Приказ рюю, – сказала Кируев. – Всем подразделениям принять формацию «Гром копыт». – Она распределила на терминале, какие моты займут опорные точки формации. – Третья и Четвертая тактические группы займутся ближайшими дозорными. – Она чуть было не сказала «гусьями». – Уничтожьте их по своему усмотрению. – Не было смысла рисковать тем, что у этих дозорных найдутся средства защиты, которых не оказалось у предыдущих.

Моты, изображенные на тактическом дисплее в виде расплюснутых золотых клиньев, начали двигаться, занимая места относительно друг друга. Она слышала, как Джанайя отдает приказы дежурному по навигации: обычно основную опорную точку формации удерживал командный мот. Мурис о чем-то говорил с дежурным по доктрине.

Хафн на тактическом дисплее выглядели пятнами, вероятностными облаками. Дежурный по сканированию доложил, что разведчики отступили, но у них по-прежнему проблемы с получением внятных данных по формантам мот-двигателей чужаков. Донесения, которые успел отправить рой «Штырь-в-глазу», прежде чем был уничтожен, пытаясь задержать Хафн, сообщали, что у врага восемьдесят «сиреней», приблизительно равных знаменотам по размеру и вооружению, и десять «магнолий» – эти были побольше, но все-таки не столь грозные, как пепломаты. Сорок восемь лет назад Командование Кел перешло на цветочную систему обозначения мотов противника, после ссоры с Андан. Иногда Кируев задавалась вопросом, каковы же всё-таки приоритеты Командования Кел.

Даже спустя несколько десятилетий такой жизни Кируев находила кажущуюся медлительность мотов раздражающей. Ей захотелось дотянуться через дисплей до кораблей и расставить их по местам. Она осознавала, до чего уродливо это побуждение. Без сомнения, Командование Кел когда-то схожим образом придумало формационный инстинкт.

Она также скучала по монотонной легкости работы в составе композита. Быть генералом, ответственным за композит, было не так уж легко, но это давало ей иллюзию подчинения единой воле, в чем и состоял смысл. Даже эта иллюзия показалась бы Джедао угрожающей. Кроме того, если календарь вдруг склонится в пользу Хафн, композитная технология перестанет работать. Каждый Кел, у которого была хоть капля мозгов, знал, что композиты необходимы в основном из соображений внутренней дисциплины между миссиями, а не как полезный инструмент координации в битвах с еретиками.

– Доктрина, – сказала Кируев, – как обстоят дела с календарными колебаниями?

Рядом с нею Джедао просматривал предоставленные дежурным результаты замеров по календарным параметрам и кропотливо составлял запрос для сети. Может, у него проблемы с привыканием к современному интерфейсу? Кируев так и подмывало объяснить ему, как надо действовать, но у неё были другие задачи, и к тому же от такого немертвый генерал потерял бы лицо. Она разберется с этой загадкой потом.

– Должно быть, эффекты локализованы, сэр, – негромким голосом ответил дежурный. – Мы должны были увидеть последствия вторжения еретического календаря, но пока что ничего нет.

Это соответствовало предыдущим донесениям, но все равно вызывало тревогу. Кируев предпочла бы понять, каким образом Хафн используют свою экзотическую технологию в пространстве гекзархата, не искажая календарную топографию. Тот факт, что они интересовались Крепостью, намекал, что за эту способность приходилось платить, и что они предпочли бы воевать в условиях родной топографии или, по крайней мере, отвоевать Крепость, что позволило бы им проецировать собственный календарь на окружающее пространство, лишив гекзархат

такого преимущества. Жаль, что Джедао выкинул всех Нирай – у них было больше всего шансов раскрыть эту тайну.

Хафн заметили приближение противника. Их моты разлетелись и образовали нечто вроде цветка с тремя лепестками. Каждый удлинялся по мере сближения с «Топотом копыт».

– Всем подразделениям транслировать знамя «Лебединый узел», – ровным голосом произнесла Кируев.

– Сэр... – запротестовала Джанайя.

Кируев взглянула на командера, прищурившись. Джедао занялся какой-то другой системой конгруэнтности и не обращал на них внимания.

– Это приказ, – сказала Кируев.

Она больше не была самым старшим по званию офицером в рое. Эта роль отошла Джедао. Знамя шло вразрез с протоколом Кел. Но Джедао сказал, что его здесь нет. Эмблема Кируев – единственная из доступных, и лучше так, чем атаковать совсем без знамени.

Теперь Хафн, похоже, понимали, в чем суть трансляции знамени. При первом контакте, согласно документальным свидетельствам, они не ответили, и Кел – к несчастью – приняли это за оскорбление. «Магнолии» передали правительственную эмблему Хафн: старинный щит с простой золотой лентой наверху и суматошным переплетением виноградных лоз, фруктов и насекомых под нею, для полного счастья приукрашенным золотыми завитушками. Если бы такой дизайн возник где-то в гекзархате, его признали бы ужасным, однако Кируев, глядя на всю эту путаницу, подумала о мальчике с «колыбелью для кошки», которого они нашли в дозорном «гробу». У неё сжались кулаки.

– Хафн в двадцати одной минуте от зоны досягаемости пушек-губителей, – сказал дежурный по вооружению.

– Сейчас мы узнаем дальноточность их орудий, – проговорила Кируев.

Приближение противника замедлилось. Три «лепестка» превратились в три вогнутые «тарелки», обращенные к Кел. «Тарелки», видимо, были их эквивалентом формаций. «Гуси» тоже их использовали, как и рой Хафн в битве против генерала Кел Чренки и роя «Четырехглазый сорокопут». Но, в отличие от формаций, у этого построения не было последовательного набора эффектов.

Кируев совершила ошибку, бросив взгляд на Джедао, чтобы проверить, чем он занят. Немертвый генерал, язвительно улыбаясь, играл в джен-цзай с сетевым противником. Он не встретился взглядом с Кируев, но по лицу чокнутого тактического гения явственно читалось: «Займись делом, птенец».

– Хафн сохраняют дистанцию, сэр, – сказала дежурная по сканированию.

На данный момент кое-что прояснилось. Во-первых, Хафн держались почти ровно в шестидесяти четырех своих минутах вне зоны действий формационных кинетических копий, которые в настоящее время бездействовали и которые управлялись путем модулирования трех компонентов большой формации. Во-вторых, тот факт, что генерал Хафн мог читать значение формаций Кел, означал, что противником гипотетически можно манипулировать. В-третьих, упомянутый генерал учел конкретные места расположения составных частей формации, и это подразумевало, что сканеры у главного роя имеют больший радиус действия, чем у «гусей», чье преимущество заключалось в количествах и заменимости.

Проблема кинетических копий заключалась в том, что они слишком явно заявляли о себе. Их движение в виде направленного вбок гребня можно было ускорить лишь путем точного выполнения подформаций. Несомненно, копия наносила страшный урон, если попадала в цель, и дальноточность у них была выше, чем у любых орудий Хафн, иначе рой Кел уже увидел бы огонь противника. Но Кируев смотрела на поджидающие их «тарелки» и чувствовала, что другая сторона пока что не беспокоится. Ещё она вспомнила, что Хафн уже уничтожали рои

Кел каким-то неизвестным способом, и они успешно проникли в узловую крепость. Не стоит проявлять излишнюю самоуверенность.

Пришло время проверить, как хорошо Хафн изучили Кел.

– Генерал Кируев всем подразделениям: маневр по моей команде, – сказала она, устанавливая траектории на субдисплеях. – Дайте мне «Лесной пожар над гнездом», с пустыми опорными точками один, два и три, как показано. – Она передала параметры первой точке Джанайе отдельно. – Не заполнять, повторяю, не заполнять вторую и третью опорные точки без моего прямого приказа. Конец связи.

Джанайя побледнела, но бросила на Кируев лишь один вопросительный взгляд, прежде чем выполнить свою часть указаний. Дежурный по связи доложил, что четыре командера мотов желают поговорить с Кируев. Она всем отказала.

«Лесной пожар над гнездом» был одновременно большой и самоубийственной формацией – такое сочетание встречалось редко. В бою «Пожар» испытали лишь один раз. Двести девяносто восемь лет назад генерал Кел Дессенет использовал его, чтобы взорвать рой вторжения. Командование Кел внесло эту формацию в список запрещенных, потому что у неё был побочный эффект: она заполняла пораженную область пространства стойкими мертвыми зонами, которые кое-где сохранились и по сей день. В любом случае вопрос заключался в том, насколько хорошо Хафн знали формационную механику.

Краем глаза она увидела, что Джедао поставил карточную игру на паузу, чтобы оценить развитие событий. Как мило, что он уделил ей внимание.

Как выяснилось, Хафн прекрасно подготовились. На полпути к завершению формации – модулирование вышло куда беспорядочней, чем ей хотелось бы, но у них ведь не было никаких причин отрабатывать такое во время учений – противник отступил. Рой Хафн отправился напрямик к крепости.

– Они думают, мы это всерьез, – сказала Джанайя с мрачной усмешкой. – Если брать в расчет только цифры, обмен получился бы ужасный, вам так не кажется?

– Они ведь поняли, что мы Кел, – ответила Кируев. – С их точки зрения, мы попросту ищем способ выполнить ежедневную норму самоубийств. Связь, сообщите коменданту Мазерет о ситуации. Всем подразделениям сохранять формацию и продолжить преследование.

Она знала, что на уме у Хафн. Если они отступят в окрестности Крепости, Кел не посмеют активировать «Пожар», потому что он уничтожит заодно и её. Так оно и было на самом деле. Никакие оборонительные сооружения не защитили бы Крепость от этой разрушительной формации.

Разведмоты предупредили о появлении позади отступающего роя незнакомых формантов, маленьких и быстрых.

– Смена курса, – сказала Кируев и внесла коррекцию. Это замедлит их продвижение к крепости, что было проблемой, но не такой серьезной, как гипотетическая гибель. Маленьких формантов было слишком много, чтобы в разумный отрезок времени уничтожить всех рассеивателями. Придется пойти кружным путем.

– Сэр, – сказала дежурная по связи. – Шесть знаменотов в Третьей тактической рапорту о какой-то разновидности повреждений в результате коррозии.

Кируев нахмурилась, глядя на дисплей, и внесла ещё одну коррекцию курса.

Дежурная опять заговорила:

– Тактические донесения: знаменоты «Когтистая тень», «За океаном», «Две книги в одном переплете» и «Барабан из змеиной кожи» потеряны, сэр.

Через несколько секунд она добавила ещё два.

– Генерал Кируев вызывает командующего Нажана, – сказала Кируев. – Что за чертовщина у вас там произошла?

– Эти паукотрахи выпустили на нас какую-то... паутину, сэр, – слабым голосом ответил Нажан, командир Третьей тактической. – Один момент. – Голоса на заднем плане; на его лице отразился красный свет. – Инженерный отсек считает, что их оружие каким-то образом повредило биотехнические внутренности мотов. Наиболее внятные показания демонстрируют, что там все заражено то ли паразитами, то ли какой-то инфекцией... – Он не упомянул о келских грибковых канистрах, хотя именно о них все и подумали. – Однако мы не можем прямо сейчас послать туда отряд и устроить специальную обработку.

Рой продолжил обходной маневр. Хафн теперь их сильно опережали. Джедао все ещё не подавал вида, что собирается вот-вот взять бразды правления в свои руки.

– Крепость активировала фантомную топографию, – сказал дежурный по сканированию.

На тактических дисплеях топография выглядела как головокружительные синие завихрения с включениями, напоминающими колыхание водорослей, как будто застрявшие лоскуты океанской мантии. Оборона Крепости открыла огонь по противнику, и выверенные сдвиги в фантомной топографии отворяли мимолетные «окна», позволяющие орудиям говорить.

– Сорок шесть минут до того, как мы окажемся в зоне досягаемости губителей, – сообщил дежурный по оружию.

Мурис посмотрел на Кируев.

– Телескопическая формация позволила бы увеличить эту зону, сэр.

– Ещё рано, – ответила Кируев. Для человека, столь консервативного в остальных вопросах, Мурис был заиклен на этом классе формаций. Большинство из них имели серьезные недостатки. – Они все равно поймут суть маневра и вылетят за пределы зоны.

Хафн должны были иметь какой-то способ борьбы с фантомной топографией. Её существование не было тайной. Хотя некоторые детали технологии были засекречены, это обязательно остановило бы разведчиков Хафн. И любые известные факты могли и не стать проблемой для людей, чье оружие имело иную природу.

Кируев подумала, не пожертвовать ли «рукой» – частью роя, – чтобы заставить его двигаться быстрее. Впрочем, такое вряд ли сработает. У неё закончатся «руки», и в целом это будет ошибочная тактика неопытного генерала.

Джедао разгромил сетевого противника в джен-цзай и перешел к игре в узорные камни. Кируев почти пожалела сеть. Кажется, Джедао использовал субдисплей, чтобы одновременно с игрой записывать критические замечания по тактике. Великолпно...

В двадцати шести минутах от попадания противника в зону досягаемости пушек-губителей дежурная по сканированию сообщила Кируев плохие новости.

– Сэр, – сказала она. – Взгляните на это.

Теперь Хафн распределились в грубом подобии гантели, только вот каждый её конец представлял собой вогнутую тарелку. Одна была обращена к Крепости. Другая поворачивалась к Кел. Средняя часть изгибалась, чтобы «тарелки» оставались соединенными. Кируев сомневалась, что это добрый знак.

Дежурный по сенсорам послал ей данные передовых разведчиков, которые с близкого расстояния просканировали градиент топографии, а также замечания офицера по доктрине о том, как она должна была выглядеть в нормальных рабочих условиях. Фантомная топография вела себя как плотная, но управляемая жидкость. Будучи командером мота, Кируев участвовала в нескольких учениях, нацеленных на демонстрацию её свойств. Командир её тактической группы описала окружающее пространство как «космическую грязь, в которой можно увязнуть». (Ну да, конечно, – выразилась она немного грубее.) Кируев помнила, как было трудно, когда мот не двигался, а полз, когда они не могли положиться на показания сканеров, чтобы действовать как обычно.

Хафн не боялись фантомной топографии, потому что каким-то невероятным образом их орудия вызвали её распад, на что не была способна даже экзотика самого гекзархата. Скани-

рование показало, что топография порождает новые включения в виде фантастических деревьев, папоротников и лоз, перепутанных друг с другом. Что-то пробудилось в глубине сознания Кируев, какое-то предупреждение, но она не успела понять, что собой представляет эта новая угроза...

«Тарелка» Хафн развернулась и атаковала Четвертую тактическую целиком. Противник все ещё был слишком далеко, чтобы нанести ответный удар по нему пушками-губителями. Дисплей Кируев озарился красным и оранжевым светом, как будто истекая кровью.

– Всем подразделениям выйти из зоны досягаемости! – резко сказала она. – Это прямой приказ.

Умирающие моты почти одновременно выслали данные. Кристаллические волокна. Вереница цветков с палевыми лепестками. Крики бескрылых птиц, проникающих сквозь пол. Стены, испещренные влажными дышащими ртами.

Джедао продолжал строчить критические замечания.

«Мы обречены», – подумала Кируев.

Цветы и птицы. Подобия растений, прорастающие из жидкости. Хафн уничтожали фантомную топографию. Эта странная не-формация выглядела так, словно они перекачивали что-то из одной «тарелки» в другую. И внезапно Кируев поняла, в чем дело.

– Связь, – сказала Кируев. – Срочный приказ коменданту драть её Мазерет. Скажите ей, чтобы отключила топографию на хрен. Всю. Немедленно.

Рой Кел пришел в беспорядок из-за отступления, но, по крайней мере, они больше не теряли моты тут и там и пытались снова собраться.

– Запрос от коменданта Мазерет, – демонстративно ровным голосом сообщила дежурная по связи.

– Что именно в слове «приказ» ей непонятно? – прорычала Кируев, хотя на месте Мазерет сделала бы то же самое. – Скажите ей, что Хафн черпают силу для дальних атак из фантомной топографии как таковой! Пусть её спецы по доктрине сами разберутся, каким образом. Это все, что ей нужно знать.

С точки зрения Кел, фантомная топография представлялась всего лишь ещё одной экзотической технологией. Но все указывало на то, что Хафн питают особое почтение к мирам – планетам и их экосистемам. Достаточное почтение для того, чтобы их разведчики были сшиты с символами далеких родных планет. С позиции Хафн, фантомная топография была ещё одним незавоеванным миром, и они каким-то образом связали себя с этим самым миром, черпая из него энергию, как Кел – из формаций и верности. Кируев быстро записала это замечание и передала Доктрине.

Синие завихрения и волны на тактическом дисплее потемнели и исчезли: фантомную топографию отключили.

– Хорошо, – сказал Джедао. – Вы это поняли за пару минут до того, как могло стать поздно.

Он передал на терминал Кируев документ с заголовком «Прочитать немедленно!». К счастью, текст был коротким. Джедао разгадал хитрость противника за три минуты до Кируев. Метка времени указывала на это безошибочно.

И он ни слова не сказал.

Кируев подумала, не пристрелить ли ревенанта.

Теперь немертвый генерал перестал обращать на неё внимание, что было к лучшему, потому что зрение Кируев начало сбывать: предсказуемый эффект формационного инстинкта.

– Это генерал Джедао, – сказал он. – Всем подразделениям продолжить переформирование по тактическим группам. Транслируйте знамя «Двойка шестерней». Инженерный отдел, насколько я понимаю, у нас двенадцать пороговых отделителей. Бросьте их все в Хафн и запу-

стите по рассредоточенным орбитам вокруг Крепости, на обычном расстоянии в 90 процентов от протяженности фантомной топографии.

С командным центром связался капитан-инженер Миуго.

– Генерал, – сказал он, – у нас недостаточно персонала, чтобы должным образом снабдить им все отделители.

«Мы же вышвырнули всех Нирай», – этого он вслух не сказал.

– Рекомендую ограничиться восемью, – продолжил Миуго.

– Да, мне стоило уточнить, – сказал Джедао. – Прошу прощения за неясность. Запустите все двенадцать без людей. Я так понимаю, они снабжены дистанционным управлением на крайний случай?

Температура в командном центре резко упала.

Пороговые отделители без разбору уничтожали все живое, но не повреждали неживые объекты. Они также были весьма привередливыми в управлении штуковинами, оттого Миуго и беспокоился. Джедао, как всем было известно, воспользовался ими во время бойни при Адском Веретене.

– Мы потеряем время, если сперва отключим их, – продолжил Джедао, словно не замечая внезапного напряжения. – Но если Хафн хоть немного соображают, они обнаружат отделители с помощью сканеров, и им известно про дистанционное управление. И ещё им известно, что я готов нажать на спусковой крючок, даже если Командование Кел к этому не готово. – Уголок его рта приподнялся. – Все пройдет гораздо лучше, если они поверят, что это я, а не какой-то вконец отчаявшийся самозванец.

В командном центре воцарилась жуткая тишина, пока все ждали, когда инженерный отсек подчинится. По отрывистому тону отчетов Миуго и их частоте Кируев поняла, что тот расстроен и надеется, что Джедао передумает. Джедао, конечно, и сам понимал, что означает реакция Миуго. Но передумывать не собирался.

«Иерархия пиршеств» запустила отделители. Кируев с точностью до секунды определила момент, когда Хафн поняли, что происходит. Их строй рассыпался, и началось быстрое, хорошо организованное отступление.

Джедао составил приказы о продвижении для Первой тактической, которая успела кое-как восстановить первоначальную формацию.

– А, вот вы где, – пробормотал он себе под нос.

Следующим оказался командер Герион с тактической группой номер два.

– Командер, – сказал Джедао. – Окажите мне услугу и покусайте противника за пятки, хорошо? – Он сопроводил это передачей более конкретных указаний, которые Кируев изучила, чтобы успокоиться. – Та воистину мерзкая атака, которая только что случилась, больше вам не угрожает. – Он не стал объяснять, почему. – Можете менять формацию на свое усмотрение.

– Приступаем, сэр, – сказал Герион. Его моты перегруппировались более плотным строем и приняли формацию «Черная линза», которая позволяла атаковать на дальние расстояния. Её эффекты длились недолго, она повреждала двигатели мотов, от чего считалась рискованной – но, так или иначе, губители дали залп и испарили часть отступающего роя Хафн. Тотчас же после этого Вторая тактическая замедлила ход и перешла в формацию с эффектом щита.

Ещё приказы. Джедао отдавал их один за другим, с короткими паузами, чтобы приспособиться к меняющейся ситуации. Первая тактическая присоединилась к погоне. Хафн продолжили отступление. Они оставляли за собой разбитые моты и новые паутинные мины, но их было уже не так много, как в первый раз.

Когда последние подразделения Хафн вышли из зоны действия фантомной топографии, не говоря уже об орудиях Крепости, та снова включила топографию. Кируев напряглась. Она догадывалась, о чем сейчас думает комендант Мазерет. Вторая тактическая группа и большая часть первой оказались за пределами зоны, но остальной рой Джедао внезапно увяз.

– Тактические группы с третьей по седьмую, убирайтесь отсюда, – приказал Джедао. – При необходимости нарушите формации. Это прямой приказ. Нельзя здесь застрять, если Хафн сосредоточат силы. А вот я не прочь поболтать с комендантом. Связь, вызовите её.

Пепломоту с его более мощным двигателем было проще выбраться из зоны действия фантомной топографии. Кируев с облегчением заметила, что «заросли» рассеиваются. Но другим мотам, поменьше, не так везло. Их тактические группы рассеялись, позабыв про формации, – и, наверное, они бы это сделали даже без разрешения Джедао.

Комендант Мазерет была крепкой бледнокожей женщиной, которая держалась напряженно. Кируев со своего места видела её лицо. Оно было своевольным.

– Я вас не узнаю, – без обиняков начала Мазерет, – но судя по «Двойке шестерней», вы называете себя генералом Джедао. – Она оскорбительным образом использовала местоимение второго лица, предназначенное для неодушевленных объектов. В высоком языке местоимения могли обозначать вещи и людей, и была некоторая логика в том, чтобы выбрать одно из первых для генерала, который числился частью Арсенала Кел, то есть оружием, а не живым офицером.

– Это действительно я, – сказал Джедао, одарив её кривой улыбкой. – Пришлось взять первое попавшееся тело. – Он не мог не понимать, как это заявление подействовало на экипаж, хоть они и не услышали такого, чего не знали до сих пор. – Комендант, я понимаю, что Крепость чувствует себя голой без какого бы то ни было покрова, но не могли бы вы оказать небольшую любезность и снова отключить топографию? Или расчистить нам путь? Вы мешаете преследовать врага.

– Перебьетесь без моих любезностей, – ответила Мазерет, словно забывая гвозди с каждым словом. – Это рой генерала Кируев, а не ваш. – Как трогательно – она использовала настоящее/будущее время высокого языка. – Командование Кел проинформировало бы меня, если бы вас направили на борьбу с врагом.

– Комендант, – сказал Джедао уже не добродушно, – вырубите эту чертову оборону. Мы можем убивать врагов, но ничего не получится, если нам не удастся поймать этих змеетрахов.

– Тогда пусть это сделает генерал Кируев.

Джедао побарабанил пальцами, затем сказал дежурному связисту:

– Отзовите Первую и Вторую тактические группы. Не хочу, чтобы они попали в беду, оторвавшись от основного роя. – Потом он снова обратился к Мазерет. – Жду объяснений, птенец.

Комендант прищурилась.

– Я вижу здесь две угрозы. Одна удирает. Мне достался тот хищник, что покрупнее.

Джедао вперила в неё сердитый взгляд, а потом рассмеялся.

– Ну ладно, – сказал он. – Думаю, я это заслужил. Но это просто ужасный способ позволить врагу ускользнуть. Не завидую тому количеству рапортов, которые вам придется отослать Командованию Кел.

Кируев посмотрела на него с изумлением, хотя упертость Мазерет должна была удивить её сильнее.

– Советую передать рой назначенному генералу, прежде чем вы продолжите копать себе могилу, – сказала та.

– Послушайте, вы правда не боитесь стоять у меня на пути?

– Возможно, вашими усилиями крепость обезлюдет, – сказала Мазерет с прежней враждебностью, – но я гарантирую, что для этого вам придется попотеть. Я знаю свой долг.

– Не исключено, я имею дело с «падающим ястребом», – проговорил Джедао, рассматривая её, – но не думаю, что всё обстоит так. Скажите, комендант, как долго вы дурачите Кел?

– Продолжаете копать, – ледяным голосом произнесла Мазерет.

– Мне придется послать гекзарху Шуос извинения с конфетами за то, что я уничтожил легенду одного из его агентов, – сказал Джедао. – Как думаете, какой у него любимый вкус?

Обвинение было нелепое, но Кируев не спешила с выводами. Предположительно, среди лазутчиков Шуос и впрямь имелись такие мастера своего дела – в особенности те, кто мог менять сигнификаты по своему желанию. Наверное, подчиненные Мазерет тоже задались вопросами. Если она не Шуос, который путем обмана сделал карьеру в рядах Кел или попросту заменил настоящую Мазерет, то отказ подчиниться Джедао означал, что узловой крепостью командует «падающий ястреб». Командование Кел ни за что такого не потерпит.

«Падающие ястребы» необязательно были предателями. Взять хотя бы подполковника Брезана. (Кируев почти не сомневалась, что Брезан и сам ничего не понимал, пока не появился Джедао.) Единственная разница между послушным «падающим ястребом» и обычным Кел заключалась в том, что у первого была возможность выбирать, а у Командования Кел имелись дела поважнее, чем постоянно проверять уровни формационного инстинкта у личного состава – ведь это, в конце концов, требовало значительных затрат. Так или иначе, «падающие ястребы» редко доживали до заметного повышения.

«Иерархия пиршеств» освободилась от фантомной топографии и теперь вращалась вокруг Крепости на почтительном расстоянии от эффективного радиуса действия ее орудий. Остальные моты Кел потянулись следом, постепенно восстанавливая формацию. Крепость не открывала огонь по знаменотам и разведмотам. Видимо, даже агент Шуос – или «падающий ястреб» – понимал, что не стоит состязаться в стрельбе с Жертвенным Лисом. Кроме того, Мазерет, должно быть, пришло в голову, что Джедао мог подстроить так, чтобы пороговые отделители сработали, если с ним что-то случится.

– Мы что же, будем сражаться из-за этого? – спросила она.

– Нет, – ответил Джедао после красноречивой паузы. – Я пришел, чтобы воевать с Хафн. Вы мешаете – но вы не моя цель.

– Командованию Кел надо было уничтожить вас после Адского Веретена.

Кируев не могла не восхититься тем, что комендант столь откровенно разговаривала с человеком, у которого на счету было такое количество убитых.

– Это не столь уж редкое мнение, – сказал немертвый генерал.

Хафн покинули диапазон сканирования.

– Что ж, придется добраться до них иным способом, – проговорил Джедао. – Удачи вам с Командованием Кел. – И он отключился, не дожидаясь ответа Мазерет.

Кируев посмотрела на него и подумала, что для человека, который упустил возможность воткнуть убегающему врагу нож в спину, улыбка у Джедао слишком довольная – и это вызвало тревогу.

Глава седьмая

Согласно аугменту, у Микодеза было две минуты до начала конференции. Он полил зеленую луковицу утром, как и было запланировано, и боролся с искушением сделать это снова, потому что не хотел убивать ее. Он также заранее сопротивлялся искушению предложить гекзарху Кел заняться контейнерным садоводством, хоть это и была неплохая идея – Тсоро надо было как-то научиться расслабляться. Даже – и в особенности – с учетом последних новостей.

Сорок два года назад Микодез стал самым молодым гекзархом Шуос почти за три столетия. Тогда никто не принимал его всерьез. Гекзархи Шуос регулярно прокладывали себе путь наверх ударами ножей в спину. В результате лишь немногие из них держались дольше десяти лет. Два десятилетия, если кое-кто был особенно хорош. Теперь люди относились к Микодезу более серьезно, но они все еще игнорировали его советы о благотворном влиянии хорошо подобранных увлечений. Ну, им же хуже.

– Входящий вызов по шестой линии, высший приоритет, – сообщила сеть.

Микодез откинулся на спинку кресла и улыбнулся.

– Соединяй.

На субдисплеях появились лица остальных пяти гекзархов с эмблемами под ними, как будто он не вызубрил эти символы ещё в младенчестве. Рахал со своим волком-прорицателем над пустомотом Нирай, ножевая роза Андан над электрическим скатом Видона, лис Шуос с девятью глазастыми хвостами над пепельным ястребом Кел.

По традиции, первой заговорила Рахал Ируджа. Это была темнокожая женщина с коротко стриженными седыми вьющимися волосами – красивая, если бы не суровый взгляд и полное отсутствие чувства юмора. Это ему в ней нравилось.

– Мы все знаем, в чем дело, – сказала она. – Генерал Шуос Джедао пережил покушение, в то время как Андан, Видона и меня заверили, что он не сможет сбежать.

– Не могу поверить, что вы позволили ему сбежать и заполучить целый рой, – сказал Видона Пса, крупный, белый мужчина с несообразно сутулыми плечами, обращаясь к Кел Тсоро. Пса даже не пытался скрыть презрение. – Джедао вошел туда, и ваш генерал просто позволил ему хозяйничать.

Покрытое шрамами лицо Тсоро оставалось бесстрастным. Шрамы были показухой, но не более чем само лицо: Тсоро говорила от имени коллективного разума, который и был Командованием Кел.

– У нас не принято лишать мертвых звания, Видона, – сказала она. – Он служил, на свой собственный лад. У нас не было причин полагать, что он переживет трупную бомбу.

Пса хмыкнул.

– Что ж, он явно это сделал.

– Джедао разжалован, но можно лишь гадать, получит ли кто-то из Кел в этом рое сообщение, которое мы транслировали. Мы склонны сомневаться в этом.

– Чего я не понимаю, так это того, как он сбежал с борта «Неписаного закона», – проговорила Нирай Файан. Её повысили, сделав из фальшивого гекзарха настоящим, на экстренном совещании, состоявшемся после того, как все убедились, что Нирай Куджен на самом деле исчез, но добиться от остальных подлинного уважения к рангу ей было непросто. Она была спокойной женщиной с волнистыми волосами до плеч, обрамлявшими лицо изысканной статуэтки из слоновой кости, обычно с мягким выражением. Но сейчас в этом лице не было мягкости. – Какая незадача, что он убедил Черис позволить вселиться в свое тело. Надо было уничтожить пеплом инвариантными снарядами, чтобы избавиться и от неё.

– Да, – с кислым видом сказала Андан Шандаль Йенг. Она возилась со своими сапфировыми кольцами: все они были в точности того же знойного синего цвета, что и её атласное платье, расшитое жемчужинами и дымчатыми бриллиантами. – Только вот пепломотов у нас ограниченное количество, и Кел все время жалуются, что не могут позволить себе построить ещё шесть. – Не в последнюю очередь из-за некоторых монополий Андан. Физиономия Тсоро осталась бесстрашной. – Честно говоря, я удивлена тем, что Куджен солгал – дескать, хочет вернуть якорь для препарирования, математической прелюдии или чего-то там ещё.

Файан не была заинтересована в обсуждении того, как Куджен предпочитает проводить свободное время.

– Все хопперы и прочий транспорт на «Неписаном законе» учтены, так как же...

– Я проверил аналитические выкладки, – сказал Микодез. – Разве там не было предположения, что один он все-таки мог угнать? Сложновато все учесть при таком масштабе повреждений.

– Среди моих аналитиков разлад, – призналась Файан. – Так или иначе, Черис или Джедао нужно было отремонтировать хоппер и долететь на нем до самого роя «Лебединый узел» или встретиться с сообщником. Ни он, ни она в инженерном деле не разбираются. Слишком многое тут не сходится.

– С этим можно разобраться позднее, – заметила Шандаль Йенг. – Надо как-то определиться, что делать с фактом: мстительный псих вырвался на свободу и теперь в его распоряжении рой Кел.

– Джедао не воспринял бы покушение на свой счет, – сказал Микодез. – Это неким образом апеллирует к его экстравагантному желанию умереть. Но мы взорвали его солдат – и это наверняка его взбесило. Да уж, миленько вышло.

На самом деле погибли около восьми тысяч солдат. Нирай Куджен настоял, чтобы против Джедао применили одну из немногочисленных разновидностей оружия, способного его убить по-настоящему, и по этой причине пришлось взорвать весь рой. Микодез не сильно противился, потому что к тому моменту успел понять: победа Джедао у Крепости Рассыпанных Игл имеет опасные последствия. Можно было лишь восхищаться тем, что немертвый генерал выкрутился, да ещё и заполучил рой побольше размером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.